

Такое число необходимо было лишь для строительства пирамид (ср.: Геродот, II, 124).

Этот отрывок представляет интерес и как ранний пример пренебрежения монументальными памятниками, усыпальницами, пирамидами.

IX. pꜥw/pꜥjw

О «людях дома/домашних», т. е. не о внутривидных слугах, занятых внутри дома, а о людях, принадлежащих определенному дому-хозяйству, см. стр. 126.

X. ꜥwt

Аналогичное образование возможно и от слова ꜥwt «двор», хозяйственный комплекс пирамиды, храма и т. п. (к термину см.: Т. Н. Савельева, ДЕ, 181—194). Детерминированное знаком «множество людей», это слово приобретает значение «люди такого-то хозяйственного комплекса». Единственный случай — надпись ꜥꜥ: (управитель) ꜥwt snꜥj в Нитенторе (Dend. F. XXVI).

Поскольку этот «двор», несомненно, часть царского хозяйства (Дом царя), рядовые работники в нем должны принадлежать к категории «царских ꜥwtꜥw».

Глава III

ОБОЗНАЧЕНИЯ БЕДНЫХ, НЕИМУЩИХ, БЕСПРАВНЫХ, КОТОРЫЕ МОГУТ ВКЛЮЧАТЬ В СЕБЯ «ЦАРСКИХ ꜥwtꜥw»

I. ꜥwꜥw

Авторы «Словаря» (Wb. IV, 435, 3—7) понимают это слово как «der Arme, Besitzlose», «Mann geringen Standes» и т. п., и, несомненно, совершенно правильно. Наша задача в изучении этого выражения будет состоять лишь в сильном определении соотношения его с выражением «царские ꜥwtꜥw»: включал ли термин ꜥwꜥw категорию «царские ꜥwtꜥw» и в какой мере.

В «Речении Эпвера» ꜥwꜥw употребляется просто как обозначение бедных людей в противоположность богатым.

(1) «Воистину, ꜥwꜥw стали владыками богатств (возможно и ед. ч.: ꜥwꜥw стал владыкой), тот (же), для кого не делалось (даже) пары сандалий, стал владыкой богатств (nbw ꜥꜥss») (Adm., 2,4).

(2) «Богатые (ꜥꜥss) в рыдании, ꜥwꜥw — в веселье» (там же, 2,7).

(3) «ꜥwꜥw страны стали богачами (ꜥwꜥwꜥw), владыка имуществ (вещей) стал нищим» (там же, 8, 2).

Итак, ꜥwꜥw — это противоположность богатым: ꜥꜥss, ꜥwꜥwꜥw, nbw ꜥꜥwt, nbw ꜥꜥss. Интересно обобщающее выражение — ꜥwꜥw ꜥꜥw ꜥ:

Столь же неопределенно значение ꜥwꜥw и в «Поучении Аменхэ I»: (4) «И давал я (хлеб, имущество) ꜥwꜥw» (P. Mill., 1, 6), и в «Завещании царю Микерэ»: (5) «Не доводи до бедности (ꜥwꜥw), чтобы не доводить до возмущения... это неправый (ꜥwꜥw) бунтует» (ЗМЭ, 28; текст разрушен, о смысле отрывка приходится скорее догадываться); (6) «обогащай чиновников (ꜥꜥꜥwꜥw) своих, и они будут выполнять законы твои, ибо не может быть недовольным (ꜥꜥꜥwꜥw) „быть пристрастным“ богач (ꜥwꜥwꜥw) в доме своем. Владыка имущества (nbw ꜥꜥwt) не бывает узким (нечестным, пристрастным, недовольным?), но не может

šw:w говорить по правде своей и не может быть прямым говорящий, „о, если бы мне (о, если бы я имел!)“» (там же, 42—44). Опять-таки налицо та же семантическая структура слова: антонимы: ḥwdw, nbw jḥwt, синонимы: ḏdw ḥ:~p.j «говорящий „о, если бы мне!“».

В тех же тонах и соответствующее место у Неферти: «ḥwḡw приобретут сокровища, šw:w будут есть хлеб, невольники возликут» (bḥḳ; ḏlaḡ. Перевод — догадка). Синонимы: ḥwḡw «подонки» или подобное и bḳww «невольники».

И только надпись из Атрибиса (пора смут) позволяет понять термин šw:w: «Достиг я ячменя верхнеегипетского (= я стал богат ячменем), и кормил я šw:w ...» (Athr., VI=Urk. I, 266, 11). Таким образом, šw:w не есть челядь автора надписи, поскольку содержание своих людей не заслуживало особой похвалы. Речь идет, стало быть, о сторонних людях, именно потому и испытывающих нужду, что у них нет хозяина, который бы о них позаботился. Следовательно, šw:w не были «царскими ḥmww».

Заканчивая наш обзор среднегипетского употребления слова šw:w, разберем его в тексте «Рассказа Синухе». Получив от царя роскошную, судя по всему, гробницу, Синухе говорит: «Нет šw:w, которому было бы сделано подобное» (Sin. В 309). Ведь и в самом деле он вернулся из изгнания в Египет ни с чем, и его благополучие целиком зависело от щедрости Сенвосре I. Он имел все основания называть себя šw:w.

II. tw:ww

Слово, без сомнения, является производным от глагола tw: «опираться на». Стало быть, tw:ww — это опирающиеся на кого-то, ищущие защиты у кого-то, откуда особый глагол tw: «просить» (о помощи) (Wb. V, 248, 6—7).

Вместе с тем глагол tw: в значениях «поднимать» и «нести» равноценен «поддерживать». Именно в этом смысле следует понимать такие заявления, как tw:w mḡ «поддерживающий (tw:w) слабого» (Hatn. 20). Стало быть, tw:w — это и «поддерживаемый», и оба значения, практически идентичные друг другу, едва ли могут быть как-то различимы в пределах слова tw:w.

Словарное «der Geringe, Arme, Klient» (Wb. V, 248), конечно, очень близко к истинному содержанию слова. Нас же интересует его место в социальной терминологии древнего Египта. Разумеется, нет недостатка в свидетельствах низкого положения tw:ww. (1) Один сановник заявляет, например, что он был

«владыкой почтения (т. е. к нему относились почтительно) в день сволоакивания tw:ww» (Art. As. XXII, 3, 14=JNES 19, 261, у), т. е. в день открытия присутствия, в которое приводят народ. Синухе в одном месте говорит: (2) «Разве tw:w любим как лицо начальственное?» (Sin. В 120—121), а в другом: (3) «Ты (царь) удалил tw:ww от зла» (В 273), подразумевая, очевидно, египетский народ в целом. В Эшмолиенском остраконе слово tw:w заменено словом wḡwt (новоегиптизм), к сожалению так же мало понятным.

(4) Царь Сенвосре III был «думающим о tw:w, стоящим на милости» (В. 1157=Uronarti st.). Слово tw:w в данном случае определено знаком А 2, как если бы речь шла о tw:w-просителях. Думается, однако, что хотя детерминация слова, несомненно, находится под влиянием этого глагола tw:, тем не менее налицо должно быть и в данном случае то же слово, что и у Синухе. В обоих текстах, видимо, имеют в виду подданных царя вообще.

(5) Упоминание tw:ww в магическом P. Ram, С.8—9 неясно. Однако автор «Повести о красноречивом жителе оазиса» дважды употребляет его, и притом оба раза как будто в значении «челядь».

(6) «Что тратишь ты на довольствие tw:ww твоих» (КП В I, 94—95) и (7) «покидать наемника (mḥnkw) своего для tw:w твоего» (там же, 170—171). Слово mḥnkw обозначало, в частности, ремесленника, нанятого для строительства гробницы, следовательно «наемника» (ср. W. Helck, MDAIK 14, 65; Goed. Priv., 151—152; Junker, Stellung, 11 и сл.; ПЧС, 35). Противопоставление наемника tw:w, без сомнения, очень интересно.

В надписи сановника jnjw-jtw.f говорится: (8) «Я — щедрый к tw:ww своим, творящий доброе равным себе» (Вг. М. 581). Стало быть, tw:ww — это все неравные тому или иному лицу, занимающие более низкое положение.

Наконец, о tw:ww говорит и номарх ḏf:j-ḥḥpj, обращаясь ко всем, кто только может зайти в его гробницу: (9) «Люди, писцы, ученые, ḡsw (см. стр. 121) и tw:ww» (Siût I, 223), понимая под tw:ww, видимо, весь простой народ, простолюдинов, т. е. так именно, как понимали этот термин Синухе и Сенвосре III. В ином свете tw:ww выступают у ḡw-mj-rw: (10) «Князья, правители дворов, tw:ww сообщают ему доходы свои» (Rekh-mi-rē, 122, 32=Urk. IV, 1115, 12). Правители дворов — управляющие пирамидным хозяйством — уже в эпоху XII династии фактически не существовали. Так в ту эпоху называли jmjw-r: ḡww «начальников отделений царского хозяйства».

В надписи одного из таких, *gdjw-ḥnmw*, царица называется «госпожой всех женщин у чиновников (*sjrw*) и правителей дворов» (СМ 20543). Нет ли такого же противопоставления и у *ḥw-mj-g'w*? Царица — госпожа всех женщин Египта, вплоть до тех, которые находятся у чиновников и управляющих царским хозяйством, т. е. *ḥmwt*, женщины из слоя «царских *ḥmww*» (несомненно, ведь речь не может идти о женах этих сановников). Везир принимает сведения о доходах князей и управляющих царским хозяйством вплоть до *tw:ww*, простого народа.

Итак, термин *tw:ww* охватывает низы египетского общества, ту часть египетского населения, которая не входила ни в хозяйство частных лиц, ни в царское, хотя так могли назвать и зависимых от того или иного лица людей.

III. *mꜥrw*

Материал с полной собран авторами «Словаря» (Wb. I, 30, 2—5) и Янсенем (JTA II, 72—73), к которому можно добавить еще Мо'alla, 246—247. Словарное «терпящий нужду», «притесняемый» и подобное безусловно является правильным. «Не притеснял (сгонял) (*mꜥr*) я *nds* с надела его» (Natn. 22) показывает, что *mꜥrw* = *nds*, в смысле все «маленькие» египетского общества. «Воздух для нуждающегося — имущество (каким бы малым оно ни было) его», — говорит автор «Повести о красноречивом жителе оазиса» (КП В I, 232—233).

Поскольку все притесняемые беззащитны перед сильными (*wsrw*), ясно, что обозначение *mꜥr* не включало в себя «царских *ḥmww*» частных хозяйств, за которых было кому заступиться. Едва ли это и *ḥmww* царского хозяйства, которых также нельзя было трогать безнаказанно. Это должны быть люди, не принадлежащие к слою «царских *ḥmww*».

IV. *ḥwꜥw*

Нам следует разобрать также слово *ḥwꜥw*, выступающее синонимом *šw:w*, *tw:w*, *mꜥr*, *nds*, *šꜥj* и т. п. Оно, несомненно, связано с глаголом *ḥwg(j)* «быть бедным, жалким» и, следовательно, и само должно означать «слабый» или подобное (так, Wb. III, 55—56; FCD, 166). Однако этимология этого слова предлагает несколько иной ход развития его значений. Эта этимология, кстати сказать, до сих пор была не выясненной.

Понять его можно только в связи со словом *ḥ'*: «ребенок»

(Wb. III, 42,1—3), которое показывает достаточно четко, что мы имеем дело в обоих словах со словосочетаниями: *ḥ-wꜥw/ḥ'*, слившимися в одно смысловое целое: «*ḥ* — великий/большой». Совершенно ясно также, что значение обоих словосочетаний должно быть одним и тем же и так или иначе оно должно концентрироваться вокруг понятия «ребенок». Отсутствие в письменном языке Среднего царства, в котором впервые регистрируются группы *ḥwꜥw/ḥ'*, других сочетаний со словом *ḥ* и отсутствие самостоятельного слова *ḥ*, конечно, не могут служить препятствием к объяснению слова, предлагаемого нами. Очевидно, язык Среднего царства взял себе из языка предыдущей эпохи слово *ḥ* лишь в сочетании с прилагательными «великий/большой». Все остальное употребление слова было заглушено многочисленными более употребительными возрастными обозначениями.

Итак, оба понятия относились к категории «ребенок», и это должным образом отражено детерминацией к *ḥwꜥw*, знаком «ребенок». Однако ни авторы «Словаря», ни Фокнер не регистрируют значения «ребенок» для *ḥwꜥw*. Между тем оно налицо и заслуживает того, чтобы лексикографы его отмечали, однако засвидетельствовано оно лишь в среднеегипетском языке Нового царства и последующих эпох. Укажем пока на один пример. Надпись верховного жреца *jꜥw-ḥꜥt-msjw*, современника Минептаха: «Это я, ловкий во младенчестве, сведущий в детстве, умный в отрочестве, сведущий в юности (*ḥwꜥw*, поясненное детерминативом абстрактных понятий); это я, юнец (*ḥwꜥw*, детерминатив „ребенок“), помещенный в Анзэбе (= школа)» (AZ 73, 79).

Впрочем, хотя верховный жрец *jꜥw-ḥꜥt-msjw* употребляет слово *ḥwꜥw* (правильнее *ḥ-wꜥw*) совершенно недвусмысленно, мы не должны полагать, что он сохранил нам первоначальный смысл этого обозначения. Ведь свой среднеегипетский язык он создавал на классических сочинениях эпохи Среднего царства, в которых это значение слова *ḥwꜥw* не только не было зарегистрировано, но уже является пройденным этапом. Очевидно, архаизатор, что называется, перестарался. Ему, конечно же, нужно было употребить сочетание *ḥ'ꜥ*, чисто возрастное обозначение, лишенное какой бы то ни было окраски, однако прилагательное ; казалось новым и вульгарным по сравнению с классическим *wꜥw*, и он, таким образом, устроил архаизм в квадрате. Само слово *ḥ'*: было архаизмом, жрец же делал его архаичным вдвойне.

Надо сказать, что прилагательное *wꜥw* казалось уже слишком выпревшим даже на заре Среднего царства. Русское «великий» удачно покрывает значительную часть его смыслового содер-

жания. Так, уже при XI династии проявляется тенденция заменять wgw прилагательным ʕʕ в названиях должностей: jmj-rʕrgwʕ «домоправитель старший» вместо jmj-r; rgw wgw (Hamm. M. 114), jmj-rʕ hwt ʕʕt 6 «начальник шести дворов больших» (суд) вместо hwt wrt 6 (Antef., VI), zš:w nj hnrjtj ʕ; «писец узилища большого» (Br. M. 828) вместо нормального hnrjtj wgw. Поскольку между словами wgw и ʕʕ не могло быть никакой игры значений, очевидно, что они могут быть только взаимозаменяемы. В данном же случае этого не произошло, и понять это можно только следующим образом: древнее обозначение «ребенок» или подобное h-wgw было модернизировано в h-ʕʕ, видимо, в начале Среднего царства, древнее же слово продолжало употребляться уже в специфическом значении, производном от понятия «ребенок». Разумеется, в обоих случаях речь шла о ребенке, продвинутом в возрасте — «большом», но эта «великовозрастность» может быть очень относительной, в зависимости от того, что берется за исходное. В поздние времена «Словарь» учитывает относительную «старшесть» h-ʕʕ по отношению к pds (Wb. III, 42, 1), однако и обозначение pds крайне неопределенно. Как бы там ни было, и h-ʕʕ и h-wgw должны были обозначать достаточно нежный возраст, так как от него h-wgw должно было заимствовать значение «слабый», «убогий» и т. п.

Наша интерпретация слова h-wgw как сочетания h-wgw заставляет, конечно, по-иному подойти к глаголу h-wgj. Это, несомненно, деноминативный глагол, о строении которого позволяет судить каузатив, сохранившийся в коптском: saḥū, šḥwort-, следовательно, несомненный IV inf. и, стало быть, saḥūrej, так как окончание w в глаголах этой группы, хотя и признается теоретически возможным, не засвидетельствовано (исключение — глагол pʕw/pʕj).

Итак, семантическое содержание слова h-wgw развилось из значения «ребенок» или подобное. Отсюда — слабый, ничтожный, убогий, плохой и даже враждебный.

h-wgw употребляется практически в том же значении, что и twʕw, šwʕw, pds, šrgj, mʕg. Это объект притеснения, произвола. Однако налицо и особый нюанс: враги. В этом значении употребляется слово в «Поэме Эпвера», в частности в знаменитом описании захвата столицы такими людьми. Несомненно, в данном и подобном случаях мы имеем дело уже с бранью: «мерзавец» или подобное.

Единственное указание на источник mʕ(jj)t, из которого эти люди «набираются» (tʕj), — указ царя VIII династии Нефркехора (Urk. I, 302—303 = Goed. Kgl. Dok., 209). К сожалению, текст указа сильно поврежден, но речь как будто действительно идет о наборе mʕ(jj)t из «семейств» (šwt) V верхнеегипетского нома.

Слова Нефркехора существенно дополняет заклинание 187, дошедшее до нас в интересующей нас части на трех саркофагах ранней XII династии из Эль-Берше (СТ III, 90—91). Там говорится: «Нашла (= встретила) она (вар. нашел я) (бога) Хонса на дороге, когда он спускался в (страну) Опоне¹. Повелел он, чтобы стояли для нее (вар. меня) тысячи, чтобы сидели для нее (меня) сотни из братьев ее (моих) и сестер (моих) из 'nhw и 'nhwt, из людей, из семьи ее (моей), из горожан и горожанок šwjj (= пустых, свободных от занятий)».

Несколько слов разъяснений. «Стоять и сидеть» равнозначно «служить и прислуживать», ср. Sinai 114, где речь идет о hrgjw-prw 'h'ww hrgjw-prw hmsjww.

«Братья и сестры», очевидно, «родственники» вообще, тогда как 'nhw/'nhwt — «молодые люди» обоюбого пола. Словом 'nhwt обозначались обыкновенно наложницы. Соответствующий мужской коррелят, очевидно, введен в перечень искусственно (ср. RdÉg. 23, 24—26).

Итак, обслуживающий штат умершего (умершей) составлялся из близких и дальних родственников, может быть слуг, а также, и это самое главное, из «горожан и горожанок пустых». Заметим, что под «горожанами» египтяне понимают не противоположность «деревенщина», а жителей населенных пунктов крупных и небольших, в том числе и деревень, и даже деревушек, в которых размещалось, хотя бы в теории только, все население Египта. В данном же случае слова «горожане», «горожанки» имеют, и это совершенно очевидно, значение земляки и землячки умершего (умершей), т. е. жители того же города или деревни, откуда этот умерший или эта умершая происходили. Таким образом, данный текст показывает, откуда бралась та челядь, с которой нас так обстоятельно знакомят изображения на стелах и на стенах гробниц эпохи Среднего царства. Ведь ясно, что «свои», семейные упомянуты в этом контексте лишь потому, что основное стремление египтян — и после смерти жить в кругу своих, вместе с ними. Земляки же и землячки — это уже другое дело, это тот

¹ К проблеме страны pwnt помимо M. Alliot, RdÉg. 8, 1—7; см. теперь Herzog, Punt; W. Vycichl, Chron. 90, 318—24; K. A. Kitchen, Or. 40, 184—207.

источник, из которого реально черпали контингенты челяди, когда в них бывала нужда. А поскольку челядь обозначалась в эпоху Среднего царства словом $m\bar{r}(jj)t$, мы не ошибемся, если будем рассматривать заклинание 187 как указание на источник $m\bar{r}(jj)t$.

При этом особое значение получает пояснение к землякам и землячкам — «пустые». Лексикографы истолковывают это слово как «бедный» (Wb. IV, 427, 20=FCD, 263), и было бы интересно узнать, что $m\bar{r}(jj)t$ набирали из бедняков того или иного города, городка или деревни.

Однако существование слова $\dot{s}w$ «бедняк» проблематично. В самом деле, в одном из списков «Поучения отца сыну» (O. Gard. 317=N. Goedicke, ÄZ 94, 67) слово $\dot{s}w$ заменяет исконное $\dot{s}w m j\bar{h}wt$ «пустой от вещей», «лишенный имущества», «неимущий», однако нет уверенности в том, что перед нами упрощение термина $\dot{s}w m j\bar{h}wt$, а не рядовой случай аплографии: $\dot{s}w m <j\bar{h}wt m > nbw \bar{h}'w$ «(бог делает) неимущего владыкой богатств».

Точно так же и в «Повести о красноречивом жителе оазиса» (КП В I, 173—174) речь идет не просто о бедняке: «Смотри, ты — $\bar{h}rj \dot{s}n'w$, который не дает пройти $\dot{s}w \bar{h}r'$ ». Этот во многих отношениях интересный отрывок до сих пор остался не понятым из-за неточного написания слова $\dot{s}n'w$ в рукописи В I, единственной, сохранившей нам эту часть «Повести» (ср.: Vogelsang, Kommentar, 143; A. N. Gardiner, PSBA 36, 74; JEA 9, 14; Egman, Literatur, 167). Слово пояснено знаком «дом», что в данном контексте бессмысленно, так как в отрывке явно говорится не о начальнике кухни-склада $\dot{s}n'w$. Нет никакого сомнения, что в виду имеют начальника охраны, следящей за порядком. Соответствующее слово пишется совершенно так же, но детерминируется знаком «идушие ноги» (Wb. IV, 504, 8—9; ср. там же, I, 6, 7=FCD, 269). До сих пор, правда, титул начальника охраны был засвидетельствован в форме $j\bar{m}j-g$: (начальник) $\dot{s}n'w$ (Leid, 11; Wb. IV, 504, 9), но вариантность $j\bar{m}j-g/\bar{h}rj$ приходится принимать, поскольку нет сомнений в том, что $\bar{h}rj \dot{s}n'w$ в «Повести» — охранник. Не исключено, однако, другое — что $\bar{h}rj \dot{s}n'w$ не особая форма титула $j\bar{m}j-g$: $\dot{s}n'w$, а титул подчиненных этого начальника, рядовых охранников. Дело в том, что относительное прилагательное $\bar{h}rj$ в эпоху Нового царства, вытесняющее древнее $j\bar{m}j-g$, в эпоху Среднего царства значения «главный» не имело, но скорее означало «находящийся на» чем-то, «корпящий над» чем-то, «занимающийся» чем-то. Стало быть, «занимающийся отогнанием (= отпором)» или подобное.

Из надписей начальников $\dot{s}n'w$ мы знаем, что в их задачу

входило патрулирование пространств между городами и в особенности границ. Они должны были бороться с бродяжничеством и бегством из долины Нила в пустыню. Следовательно, $\dot{s}w$, о котором говорится в «Повести», не просто бедняк, которому не дает прохода алчный охранник. Это как раз и должен быть бродяга или беглец, те, с которыми приходилось бороться службе $\dot{s}n'w$.

Этот же вывод исключает и возможное истолкование сочетания $\dot{s}w \bar{h}r'$ как «человек с пустыми руками», не способный дать взятку, и выражение $\bar{h}r'$ приходится понимать как обстоятельство к сказуемому «проходить» — «мимо» или подобное, если только не рассматривать это выражение как $\bar{h}rj'$ «находящийся (= оставшийся) на грамоте (документе)», т. е. специально разыскиваемый.

Остается за $\dot{s}w$ признать значение «пустой» от работы, занятий. Не исключено, что в «Повести» под этим словом разумеется уклоняющийся от работ, которого разыскивает охрана, тогда как в «Текстах саркофагов» налицо собственное значение этого слова «пустой», «незанятый», «не имеющий занятий».

Это слово едва ли не связано с термином $\dot{s}wt$ (совокупность пустых (= незанятых) людей (Wb. IV, 426, 5=FCD, 262), который обычно связывают со словом $\dot{s}wt$ «бок» как обозначением «сторонников» или подобного. Это значение еще как-то может подойти к словам Птаххотпа (Pг., 15, 2): «Знай $\dot{s}wt$ твоих, и будет имущество твое (имущество у тебя), не делай подлым нрав твой по отношению к друзьям твоим», т. е. ладь с друзьями и товарищами и будешь благополучен. Близость значений $\dot{s}wt$ — «друзья» ($\bar{h}nmsw$) здесь очевидна. Однако уже слова царского докладчика $j\bar{m}w-n\bar{d}h$ (XVIII династия) не укладываются в рамки традиционного истолкования $\dot{s}wt$. В самом деле, этот вельможа говорит, что он был «первым (из) $\dot{s}wt$ своих» (Urk. IV, 945, 11).

Думается, значение этого слова раскрывает «Завещание царю Микерэ» (ЗМЭ, 57—61): «Набирай молодежь (войско) твою, и возлюбит тебя столица, умножай сторонников твоих из $\dot{s}wt$; смотри, город всякий полон подкреплением новым. Вот уже 20 лет, как молодежь наслаждается, следуя своему сердцу, один $\dot{s}wt$ выходит за другим...» У Микерэ оно явно близко нашему «поколение» или подобному, но притом в особом значении «поколение» призывного возраста. Смысл: 20 лет один призывной возраст выходит за другим для набора, но наборы не производятся. Совет: изменить это ненормальное положение и производить наборы из числа «незанятых» ($\dot{s}wt$ с детерминативом абстрактных понятий), впредь не упуская ни одного призывного возраста ($\dot{s}wt$ с детерминативом «множество мужчин»). Таким образом, становится понятным использование термина

šwt. Он обозначает поколение людей, которые находятся на грани детства и юности. Дети не должны и не могут иметь постоянных занятий и могут рассматриваться как «пустые», «незанятые», «свободные от работ», šww (мн. ч.) или šwt (собирательное). Но вот они подходят к возрасту, когда их пора пристроить к какому-то делу. Этот рубеж, собственно, и есть šwt, и когда jm:w-ndḥ говорит, что он был первым из своего šwt или в своем šwt, то ясно, что он имеет в виду своих сверстников, которых он всех опередил. Все они начали карьеру в одно время, но чего достиг он, а чего они! Птаххотп советует знать своих сверстников, дружить с ними, с тем чтобы получать от них помощь и поддержку.

Таким образом, термин šwt применим даже к вельможам. Но собственное его, истинное назначение — источник для пополнения войска и источник для пополнения контингентов работников для мирных занятий. И то и другое производилось, как мы знаем из новоегипетских источников, на «смотре» (snhj) достигшей известного возраста молодежи (прежде всего, но учитываются и другие возрасты), из которой лучших брали в войско, определяя остальных в те или иные учреждения, хозяйства отдельных лиц и т. п. (ср. Saminos LEM, 99). «Тексты саркофагов», следовательно, имеют в виду набор челяди частного лица из молодых земляков и землячек хозяина или хозяйки.

Этот текст, стало быть, образует параллель к словам ḥpnj, описывающим очередной смотр времени Тхутмосе IV. Среди прочих контингентов ḥpnj проверял, а следовательно, и пополнял число «царских ḥmww», из которых составлялась частнособственническая челядь (Urk. IV, 1006), т. е. брал необходимое для этой цели из наличного šwt, достигшей известного возраста, не занятой еще пока молодежи.

Таким образом, мы в состоянии назвать разряд, из которого пополнялись ряды ḥmww njswt, в том числе ḥmww njswt частных хозяйств. Это šww или šwt, прежде всего молодежь, еще не получившая официального назначения, в массе, очевидно, дети ḥmww njswt и ḥmwt. Вместе с тем это могут быть и люди, так или иначе оказавшиеся вне распределения, живущие случайными заработками и доходами, все эти šw:w, ḥw:w, ḥw:gw, ndsw, šggw. Стать «царскими ḥmww» должны были желать многие из них. Во всяком случае, так следует понимать слова известного сонника (P. Ch. V. III), дошедшего до нас в записи XIX династии, но написанного среднегипетским языком и относящегося, очевидно, ко времени Среднего царства. Одно из сновидений объявляется хорошим, поскольку оно предвещает увидевшему его, что он будет есть хлеб сановника (sjgw), ока-

жется у него на довольствии (2,22, например). Но на довольствии у должностного лица могут оказаться либо слуги и работники, либо начальники над ними, управляющие. Поскольку сонник не уточняет, что в виду имеют эту элиту частного хозяйства, очевидно, завидным считается и положение слуг и работников, из которых, кстати, как мы знаем со слов номарха Хнемхотпа (ВН I, XXV, 10—11), и вербовалась эта элита.

VI. ndsw

Слово ndsw «маленькие люди» давно уже обратило на себя внимание как противопоставление людям «большим», «великим». При этом с самого начала было ясно, что это интересное в социальном плане значение не является единственным у этого слова, обозначавшего «маленьких» не только по социальному статусу, но и по росту и возрасту. К этим значениям некоторые ученые добавляли еще одно — «воин», не подкрепляя, впрочем, до самого последнего времени это истолкование доказательствами, которые можно было бы назвать неопровержимыми (Wb. II, 385, 5—12; FCD, 145). Мы будем говорить в дальнейшем о трех аспектах семантического содержания слова: 1) социальном, 2) возрастном, 3) воинском.

Первый аспект, как уже говорилось, так давно обратил на себя внимание, что сейчас нелегко сказать, кто заинтересовался им первый. Об этом аспекте писали (наш перечень работ не претендует на полноту): Брэстед (BAR I, 536); В. В. Струве (ЗКВ I, 221 и сл.; Изв. ГАИМК 77, 45, прим. 69; «Речение Ипувера»; Лейденский папирус № 344; Социальный переворот в Египте в конце Среднего царства. Вводная статья акад. В. В. Струве, стр. 19 и сл.; МР, 186; Древний Восток, М., 1937, стр. 184, 194; История древнего Востока, М., 1941, стр. 150 и сл.); Н. А. Мещерский (ЗКВ II, 329); Антес (Natn., 90); Ю. П. Францов (СФ 2—3, 163); И. Л. Снегирев (И. Л. Снегирев и Ю. П. Францов, Древний Египет, М., 1938, стр. 158); М. Э. Матье (Искусство древнего Египта. Среднее царство, Л., 1941, стр. 150 и сл.); В. И. Авдиев (ИЖ, 1945, № 5, стр. 59; История древнего Востока, М., 1953, стр. 223—224); Вольтен (VZA, 30—31, 54, 113); Р. И. Рубинштейн (ВДИ, 1948, № 4, стр. 184); Хелк (ÄZ 80, 130; JESHO II, 1, 19; NZV, 121—122); Ю. Я. Перепелкин (ПЕВИ, 269); И. А. Стучевский (Храмовая форма царского хозяйства древнего Египта, М., 1962, стр. 86); Вениг (ÄZ 88, 69); Гёдике (JEA 48, 32, x и прим. 5 и 6, Leb., p. 131—132); Дершэн (GM 3,9 и сл.), Вестендорф (GM 4,41 и сл.)

К сожалению, ни этот аспект, ни в целом слово *ḥḥsw* так и не стало объектом изучения, поэтому все суждения по первому аспекту совершенно зависят от воззрений каждого ученого. Одни склонны принимать термин *ḥḥsw* за обозначение слоя, определившего социальное лицо Египта эпохи Среднего царства, другие значительно более сдержанны в оценке исторической роли *ḥḥsw*, хотя и воспринимают их как определенный социальный слой, третьи пишут о них максимально туманно, не зная, очевидно, как еще, собственно, обернется вся эта проблема, и не желая ставить себя под удар, наконец, четвертые отказывают «маленьким людям» в какой бы то ни было исторической роли совершенно и не включают *ḥḥsw* в общую картину социальной истории Египта времен Среднего царства, по-видимому рассматривая *ḥḥsw* в первом аспекте как общее обозначение всех убогих, сирых, бедных, слабых.

Второй аспект. Авторы «Словаря» различают, собственно, два подаспекта: «маленькие» по возрасту и по росту. Что касается последнего значения, то оно налицо разве что в «Сказке о потерпевшем кораблекрушение». Словом *ḥḥ* называет героя сказки змей-гигант (ПК, 69, 84, 112, 158), стало быть, «малютка», «кроха» или подобное. Хотя это истолкование и правдоподобно, оно не является единственно возможным, и Фокнер (FCD, 1—15) его не признает. Ведь слово *ḥḥ* значит «юноша», «парень» и подобное, и змей мог так именно его и называть. Фокнер даже готов видеть в этом обращении фамильярность, но я не уверен, что в этом он прав.

Что же касается чисто возрастного значения слова *ḥḥ*, то его, собственно, никто не считал заслуживающим какого-либо внимания. Специально выделяется лишь будто бы появившееся в эпоху Нового царства обозначение мальчиков, окончивших школу (G. Lefebvre, REA I, 138 и сл.; Вгун. Erg., 39).

Третий аспект. О связи *ḥḥsw* с оружием, битвами и подобном известно уже давно, и значение «воины» приписывается этому слову целым рядом ученых. О воинах-*ḥḥsw* пишут, например, Вольтен (VZA, 30—31, 54, 113), Фокнер (JEA 39, 40), Эдвардс (JEA 51, 26, t), Уорд (WEE, 31, прим. 130). Однако лишь недавно было обращено внимание на единственный неоспоримый случай проявления этого значения слова *ḥḥ*: Dend. P., X (Sennezesu). Об этом случае писали: Ю. Я. Перепелкин (ПЕВИ, 269; без ссылки на указанный источник, но имея его в виду; устное указание Ю. Я. Перепелкина), автор этой книги (В. Or. XXII, 5/6, 267) и Фишер (Dend. F., 155).

Легенда о *ḥḥsw*. Если неизученность первого аспекта семантического содержания слова *ḥḥsw* привела к тому, что каж-

дый мог либо рассматривать это слово как важный социальный термин, придавая ему большее или меньшее значение, либо его полностью игнорировать, то неизученность всего содержания слова вела к тому, что его повсюду могли истолковывать однозначно, как социальный термин, даже там, где авторы «Словаря» и другие исследователи не советовали этого делать. При этом все это могло делаться без малейших возражений в адрес авторов «Словаря», выявивших несколько аспектов значения слова. Не возражая им, в каждом конкретном случае ученый, увлеченный идеей *ḥḥsw*, мог истолковывать слово в рамках первого аспекта. В таком случае получалась удивительная картина. «Маленьких людей» не только противопоставляли «большим», которые, со своей стороны, хвалились тем, что не притесняли «маленьких», не грабили их, но, напротив, помогали им, но этим словом называли заведомых богачей и людей, знатность которых была вне сомнений. Эту картину, принимая на веру ее существование, можно было осмыслить только таким образом, что слой *ḥḥsw*, охватывавший первоначально низы египетского общества, сумел выделить из себя верхушку, своего рода средний слой, зажиточный и влиятельный, который либо, в отдельных случаях, сливался со знатью, либо сделался настолько популярным, что вынудил знать, так сказать, рядиться под *ḥḥsw*. Разумеется, для учения о египетском обществе как о рабовладельческом это истолкование могло быть модифицировано в том духе, что *ḥḥsw* охватывали низы класса свободных. Как бы там ни было, в отечественной науке постепенно появилась уверенность в том, что существует специальное терминологическое обозначение для верхушки слоя *ḥḥsw*. Различные богатые, знатные, влиятельные люди называют себя *ḥḥsw* *ḥḥw* «маленькими людьми доблестными». Прилагательное «доблестный» приняли за эпитет элиты слоя *ḥḥsw*, истолковав его как «сильный», и стали, таким образом, говорить о рядовых и сильных *ḥḥsw*. Это учение о *ḥḥsw* получило у нас широкое распространение и, что особенно нехорошо, вошло в учебники, являясь совершенно легендарным. Такого же характера и утверждения о *ḥḥsw* как о крестьянах или крестьянах-общинниках, основанные на том, что слово *ḥḥ* иной раз сочетается со словами «земельный участок», «пахать», «урожай» (все ссылки на источники см. ниже в ходе изложения).

Для того чтобы увидеть, какие социальные идеи связывались со словом *ḥḥsw*, постараемся его изучить.

Время, когда употреблялось слово *ḥḥsw*. Слово *ḥḥsw*, обратившее на себя внимание в среднеегипетских текстах, продолжало употребляться и в надписях времен Нового

царства и значительно более поздних эпох. Очевидно, предполагалось (хотя никто по этому поводу не высказывался), что слово это непрерывно эволюционировало в древнеегипетском языке вплоть до исчезновения древнеегипетской письменности. И только Ю. Я. Перепелкин обратил внимание на то, что «источники постоянно говорят» об этих «маленьких людях» в течение всего I переходного периода, «начиная с конца Древнего царства», «но не позже начала XII династии включительно» (ПЕВИ, 269). Собрав в таблицу все известные науке упоминания *prsw* в древних (доновоегипетских) источниках, мы убедились в совершенной правильности этого вывода. За единственным исключением, объяснение которому будет дано позже, все датированные точно источники предшествуют воцарению третьего царя XII династии Аменемхэ II, а все датируемые по формулам, стилю иероглифов и подобному надписи не могут быть датированы сколько-нибудь значительно позже этой границы.

1. И., 11	Siut V, 10; SMHT, 72	до Микерэ
2. И., 12	Siut III, 11; SMHT, 78	до Микерэ
И., 13	там же, 63; SMHT, 75; Si- ut III Ed., 18	
3. И., 14	Siut IV, 33; SMHT, 89	Микерэ
4. И., 15	Hatn. X, 8; SMHT, 90; SFSt, 87	Ахтой
5. И., 16	Qurneh, II—III; CV, 14; SMHT, 101	Энйотеф II
6. И., 17	Louvre C 1, 12; Les., 82	Аменемхэ I, 24-й год
И., 18	там же, 9—10	
7. И., 19	BH I, XLIV, 8; Urk. VII, 12, 16	Аменемхэ I
8. И., 20	Hamm. M. 199	Аменемхэ I
9. И., 21	PSBA 18, 195, табл., 10; JEA 48, 26, 10	Сенвосре I, по- сле 25-го года
И., 22	там же, 11	
И., 23	там же, 14	
И., 24(?)	там же, 16; JEA 12, 282, A 2, прим. 2	
10. И., 25	Bg. M. 581, 15, 17; Les., 80—81	Сенвосре I, 39-й год
11. И., 26	BH I, VIII, 18; Urk. VII, 16, 1	Сенвосре I, 43-й год
12. И., 27	Siut I, 225	Сенвосре I
И., 28	Там же, 223, 279, 280, 309, 310	
13. И., 29	AZ 45, VII, 22; Urk. VII, 5,7	Сенвосре I
14. И., 30	B. 22820	Сенвосре I

15. И., 31	Abyd. 1, 57	царь nbw-hpr-g'w
16. И., 32	ASA 23, 22 (см. стр. 104)	начало XII династии
И., 33	там же, 21	
17. И., 34	ASA 34, 52	начало XII династии
18. И., 35	Assiout, 191	начало XII династии
19. И., 36	BIFAO 3, 120; PM IV, 264 (destroyed tomb)	начало XII династии (?)
20. И., 37	B. 8815	начало XII династии (?)
21. И., 38	B. 24032; Kush IX, X; SMHT, 61	VII—X династии
22. И., 39	Bg. M. 1671; JEA 16, XXIX; SMHT, 58—60	VII—X династии
23. И., 40	CM 1583	VII—X династии
24. И., 41	CM 1598	VII—X династии
25. И., 42	CM 1759; SMHT, 118—119	VII—X династии
26. И., 43	CM 20001; SMHT, 57	VII—X династии
27. И., 44	CM 20503; SMHT, 111	VII—X династии
И., 45	там же	(по Шенкелю, Э. III)
28. —	CM J. 55607; не издан, см. WZKM 57, 72	VII—X династии
29. И., 46	Cracow; SMHT, 62—64; Kush X, 333—334; Dend. F., 130—131	VII—X династии
30. —	Dend. D 2453; не издан; ср. Dend. F., 87, 394	VII—X династии
31. И., 47	Dend. P., IIA; Urk. I, 269, 10; Dend. F., 87	VI династия или позже
32. И., 48	Dend. P., VIII C, второй ряд справа; SMHT, 130; Dend. F., 149; SFSt, 110—111	IX династия, по Фишеру
33. И., 49	Dend. P., IX верх; SMHT, 142; SFSt, 110, 3; Dend. F., 130 и сл., 154 и сл.	VII—IX династии
34. И., 50	Dend. P., X A, Sen-nez-su второй ряд, слева; SMHT, 143; Dend. F., 129 и сл.	IX династия, по Фишеру
35. И., 51	Dend. P., X A, Ptah Mera Cornice справа, 4 и 5 ряд; SMHT, 136; Dend. F., 160 и сл.	VII—IX династии
36. —	Dend. P., X A, Beba and Nekht; SMHT, 156 (№ 166)	VII—IX династии

37. И., 52	Dend. P., X A; SMHT, 135	VII—IX династии
38. И., 53	Dend. P., XII, Antefa (I ряд, 2+3 фр., третья строка); SMHT, 146, a	VII—X династии
39. И., 54	Dend. P., XXXVII F; Dend. F., 183	VII—X династии
40. И., 55	Hatn. 12, 12	'h:-nhjt, 13-й год
41. И., 56	Hatn. 16, 2—3	nhrj I, 5-й год
42. И., 57	Hatn. 17, 9	nhrj I
43. И., 58	Hatn. 20, 2—3	nhrj I, 6-й год
44. И., 59	Hatn. 22, 8	nhrj I, 7-й год
45. И., 60	Hatn. 23, 3	(nhrj I, 7-й год)
46. И., 61	Hatn. 24, 6	(nhrj I, 7-й год)
47. И., 62	Hatn. 25, 5	nhrj I, 7-й год
48. И., 63	Hatn. 26, 5	nhrj I, 8-й год
49. И., 64	Hatn. 27, 2	(nhrj I, 8-й год)
50. И., 65	Hatn. 30, 2	(nhrj)
51. И., 66	Hatn. 38, 4; Hatn., 69, прим. 1	начало XII династии
52. И., 67	Hatn. 43, 4; Hatn., 69, прим. 1	начало XII династии
53. И., 68	JNES 19, 288; SMHT, 116—117	VII—X династии
54. И., 69	Leb., 68, 80	рукопись XIII династии
55. И., 70	M. I, 152; Urk. VII, 9, 14	начало XII династии
56. И., 71	Misc. Greg., 461; SMHT, 122	VII—X династии
57. И., 72	Mo'alla, 270—271 (SMHT, 45, a; Dend. F., 88, 395)	VII—X династии
58. И., 73	NeD 12 (ср. SFSt, § 38 b)	VII—X династии
59. И., 74	NeD 42=Lutz, 38; SMHT, 175—176	VII—X династии
60. И., 75	NeD, 62; SMHT, 185—186	VII—X династии
61. И., 76	NeD 69; SMHT, 178	VII—X династии
62. И., 77	NeD 75 (ср. SFSt, § 38 b)	VII—X династии
63. И., 78	NeD 78; SMHT, 183	VII—X династии
64. И., 79	NeD 81; SMHT, 181	VII—X династии
65. И., 80	NeD 84; SMHT, 184—185	VII—X династии
66. И., 81	PUM=SAAAE, 57; SMHT, 182	VII—X династии
67. И., 82	P. Westc., II, 4—5, 25; III, 2, 10, 11, 14, 16, 21, 22; IV, 4; VI, 26; VII, 2.	рукопись XV династии
68. И., 83	PK, 69, 84, 112, 158	рукопись XIII династии

Итак, датированные случаи употребления слова p̄dsw восходят к царям X династии Микерэ и Ахтою, отношение которых друг к другу, равно как и место в списке царей династии, пока неясно, к царю ранней XI династии Эйнотефу II и к двум первым царям XII династии Аменемхэ I и Сенвосре I.

Если «дом h̄ww», о котором идет речь в Сгасow и в Mo'alla, I, а 2—3, действительно следует понимать как «династия, основанная h̄ww», то эта династия должна быть предшественницей ираклеопольских IX и X династий, «дома Ахтоя». В таком случае мы располагали бы одним (Сгасow), а может быть, и двумя (если считать хозяина гробницы № 2 в Mo'alla сыном хозяина гробницы № 1, ср. Dend. F., 88, 395, но ср. SMHT, 45a) примерами, датированными началом IX династии.

Шенкель увеличивает число датированных образцов, приписывая стелу CM 20503 хозяину стелы CM 20502, датированной царствованием Эйнотефа III.

Как бы там ни было, обращает на себя внимание отсутствие интересующего нас слова в источниках поздней (начиная с Ментхотпа I) XI династии.

Что же касается текстов, не содержащих определенных датировочных указаний, то большинство из них без каких бы то ни было сомнений должно быть отнесено к поре смут, бедствий и социальных потрясений, наступившей с кончиной Пйопе II и продолжавшейся вплоть до объединения Египта Ментхотпом I. В отношении некоторых из этих текстов могут быть колебания, не относятся ли они (тексты) к концу VI династии (см. ниже), но это лишь единицы. В таблице мы помечали все эти источники датами VII—X династий [в текстах из Нитенторе (Дендера) — датами VII—IX династий; ср. хронологические выкладки Фишера в Dend. F.]. Более точная их датировка для нас в настоящий момент несущественна, и мы ограничиваемся лишь указанием на исследования Шенкеля и в особенности Фишера, где это возможно.

К этим бесспорным источникам эпохи смут примыкает большая группа текстов из Хануба, датированных правлениями номархов 'h:-nhjt ['h:(w)-nhjt(w)(?) и nhrj I. Давно установившаяся уже в науке ранняя (временем X династии) датировка этих текстов (R. Anthes, AZ 59, 100—108; Hatn., 97 и сл.) была пересмотрена в пользу более поздней (царствование Сенвосре I) (SFSt, 84 и сл.). Поскольку, однако, все эти тексты никак не могут быть позже этого царствования, мы не станем касаться этой сложной проблемы, но укажем на два источника, упущенных из виду ее исследователями (ср. стр. 80).

Что же касается прочих текстов, то они с уверенностью от-

носятся к начальной поре XII династии, более точно — к двум первым царствованиям этой династии. Это гробница эфиопа ḥkꜣ-jb в Куббет эль-Хава (M. I, 152) и три саркофага из Сйовта (Assiout, 191; ASA 23, 21—22; 34, 52). Архаический для стиля XII династии вид надписи ḥkꜣ-jb делает датировку первыми двумя царствованиями династии неоспоримой, а саркофаги датируются по методике, разработанной Беннеттом (JEA 27, 77 и сл.; 44, 120 и сл.). К этому же времени, очевидно, должна быть отнесена и плита В. 8815, не содержащая, насколько можно судить по автографии надписи на ней, никаких поздних признаков. Что же касается гробницы B1FAO 3, 120 (PM IV, 264, destroyed tomb), то из надписей ее сохранилось так мало, а это малое издано так плохо, что мы не можем сказать ничего определенного о времени ее изготовления. Наше предположение «начало XII династии?» уже исходит из того, что, начиная с царствования Аменемхэ II, слово nḏsw не обнаруживается в надписях.

Единственный достоверный поздний (позднее Сенвосре I) образец, Abyd. I, 57, датирован правлением царя nbw-ḥpr-r'w, которого Беккерат относит к XVII династии (Beck. Unt., T. XVII, 1). И этот случай не составляет исключения из общего правила, касающегося nḏsw, но связан, очевидно, с возрождением этого слова, о чем пойдет речь ниже.

Но если нижняя граница эпохи nḏsw, таким образом, проходит на стыке царствований Сенвосре I и Аменемхэ II, верхнюю определить более сложно. Некоторые тексты из группы, датируемой нами VII—X династиями, по тем или иным причинам (литература указывается в таблице) скорее всего принадлежат к эпохе поздней VI династии (это NeD 12 и 75; ср. Dend. P., II A = Dend. F., 87). Если это так, то верхняя граница эпохи nḏsw — поздняя VI династия, однако уверенности в этом нет, тем более что ни в одном источнике, бесспорно датируемом эпохой VI династии, «маленькие люди» не упоминаются (ср., однако, стр. 89). Пока все представляется таким образом, что это слово впервые появляется в текстах все-таки лишь с началом I переходного периода, характерно именно для этого периода и исчезает тогда, когда эта тяжелая для Египта пора изглаживается из памяти египтян.

К датировке Ханубских текстов. Основная масса ханубских граффити датируется правлением номархов ḥꜣ-nḥt и его близкого преемника nḥrj I. Все соображения насчет определения времени этого правления см. у Антеса, Шенкеля и Блюменталь (AZ 59, 100—108; Hatn., 99—101; SFSt, 84—95; M Pal I, II; AoF 4, 35—62). Я же хочу только ввести, так сказать,

в дело два новых источника, которые, хотя и не решают проблемы, вносят важные уточнения и уж во всяком случае представляют собой первое прибавление к тому материалу, которым располагал пятьдесят лет назад Антес.

Наши источники касаются генеалогии номархов XV нома, к которому относился и Хануб, алебастровые разработки. Для среднеегипетской поры у нас есть сведения о трех ветвях этих номархов, или, скорее, три куска их родословной, которые можно составить в некоторое правдоподобное целое. Степень правдоподобности если и не велика, то во всяком случае достаточна для того, чтобы сохранять реконструируемое, по крайней мере, до тех пор, пока оно не будет опровергнуто фактами или пока оно само не станет фактом.

Три генеалогических куска таковы:

A kꜣjj I ————— ḏhwtj-nḥtw I ————— nḥrj I ————— kꜣjj II
и ḏhwtj-nḥtw II
B kꜣjj ————— nḥrj ————— ḏhwtj-nḥtw и jmnw-m-ḥ:t
В nḥrj ————— kꜣjj ————— ḏhwtj-ḥtpw

В группе А нам интересен номарх nḥrj I, при котором написаны основные граффити. В группе Б — «начальник жрецов-пророков (сан, достойный либо самого номарха, либо его детей) jmnw-m-ḥ:t», надпись которого датирована 31-м годом царствования Сенвосре I. В группе В — номарх ḏhwtj-ḥtpw, родившийся при Аменемхэ II и доживший до Сенвосре III. Реконструировавший генеалогию этих номархов Гриффис (EB II, 15) полагал, что куски можно совместить, отождествив kꜣjj II в группе А с kꜣjj в группе Б и nḥrj в группе Б с nḥrj в группе В (nḥrj II).

Помимо граффити группа А документируется еще и надписями в гробнице номарха nḥrj (EB II, XI), группа Б — надписями в гробнице номарха ḏhwtj-nḥtw (EB II, 17—26, V—IX), группа В — только надписями в гробнице номарха ḏhwtj-ḥtpw (EB I).

Мы имеем теперь возможность прибавить новый документ к группе А. Это жертвенник из Эль-Берше, родового некрополя номархов XV нома, SM 23069. Он принадлежит sdꜣwtj bjtj (казначей нижеегипетского царя; почетный титул) kꜣjj, сыну nḥrj и ḏhwtj-ḥtpw, т. е. kꜣjj II, сыну номарха nḥrj I.

В гробнице отца его изображение было пояснено как sdꜣwtj bjtj kꜣjj; этот титул был, очевидно, наиболее характерным для него. К сожалению, ни в гробнице отца, ни в граффити не было указано имя матери kꜣjj II, но было известно, что матерью его брата ḏhwtj-nḥtw II была ḏhwtj-ḥtpw. Мы видим теперь, что

оба сына nhj I были не только единокровными, но и единоутробными, родными братьями.

Формулы на жертвеннике дают следующие сведения, важные для датировки. Титул Усире там дан в форме, которая впервые была обнаружена в 24-м году царствования Аменемхэ I (Louvre C 1). Я имею в виду титул $\text{jst-jrt nbw qdw hntj jmntjw ntr}$; nbw qdw «Усире, владыка (города) Тата, Хентмент бог старший, владыка Эбота». С другой стороны, слова prt-hrw njt отсутствуют в датированных надписях XII династии. В гробницах Эль-Берше этот элемент njt встречается в надписи самого номарха nhj I (ЕВ II, XI, 1) и в надписях его предшественника h-nht (ЕВ II, XV, XVII). В гробнице же № 1 номарха qhwjt-nhtw (по Гриффису, qhwjt-nhtw III), достоверно относящейся ко времени Сенвосре I, этого признака нет.

Для группы Б мы прибавляем теперь новый источник — жертвенник, как будто бы также происходящий из Эль-Берше, SM 23046. Он принадлежит $\text{sd:wtj bjtj <smg>w'tj}$ (казначей нижеегипетского царя, друг единственный; почетные титулы) nhj , сыну другого nhj и z:t-hq-htr . Он титулуется также z:htj- (княжич, сын номарха), и, следовательно, его отец был номархом. Правда, члены семьи номарха, может быть, и могли носить титул htj- (ср. Natn., 97), но здесь не то. Хозяин жертвенника не называет себя htj- , а только «сыном htj- », вкладывая тем самым в термин достаточно точный смысл — должность и сан htj- .

Совершенно ясно, что htj- , о котором идет речь, — это nhj из группы Б, стало быть, по Гриффису, nhj II. Он действительно был мужем z:t-hq-htr , от брака с которой родились номарх qhwjt-nhtw III и jmnw-m-h:t . Жертвенник показывает, что у них был третий родной брат (я имею в виду: единокровный и единоутробный) nhj III.

Таким образом, наш жертвенник доказывает, что nhj II был номархом, подтверждая, тем самым, предположения Гриффиса и Антеса. Гриффис приписывал ему гробницу № 7 в Эль-Берше, расписанную для «жреца большого (старшего) nhj ». В свете данных жертвенника это отождествление представляется менее правдоподобным, чем казалось раньше.

Кроме того, жертвенник дает теперь лучшего кандидата для соединения групп Б и В. Как видно, дедом номарха qhwjt-nhtw был не nhj II, а nhj III, живший во вторую половину царствования Сенвосре I. В этом пункте реконструкцию Гриффиса надо исправить.

Дальнейшая история слова в эпоху Среднего царства. После Сенвосре I интересующее нас слово

удалось обнаружить только раз — на стеле Abyd. I, 57 от времени царя nbw-hrg-g'w , которого Ю. фон Беккерат, автор новейшего каталога царей позднего Среднего царства, причисляет к XVII династии (Beck. Unt., XVII, 1).

Помимо этого слово nds встречается в трех литературных сочинениях, дошедших до нас, два первых в рукописи XIII (более ранняя датировка не исключена) династии (ПК и Leb.), другое (P. Westc.) — в рукописи XV династии (см. стр. 120), которые мы включили в таблицу ради их принадлежности к эпохе Среднего царства. Эти сочинения, однако, древнее дошедших до нас списков, и датировка указанных рукописей (MPal. I, 12, 18; Erg. IV; Dévaud, L'âge 1—2) не имеет отношения к проблеме nds .

Слово nds/nds в литературных текстах. Помимо надписей это слово встречается в произведениях среднеегипетской литературы, в том числе тех, которые считались классическими в последующую новоегипетскую пору. Это «Беседа разочарованного» (стк. 68—85); сказки папируса Весткар (P. Westc. II, 4—5, 25; III, 2, 10, 11, 14, 16, 21, 22; IV, 4; VI, 26; VII, 2) и «Сказка о потерпевшем кораблекрушение» (стк. 63, 84, 112, 158), дошедшие до нас в рукописях Среднего царства, и «Поэма Эпвера» («Речения Ипувера»; Adm., 2,9; 5, 13—14; 9, 12, 14—10,1; 13,4; 14,5), «Поучение Аменемхэ I» (P. Mill. II, 8—9), «Завещание царю Микерэ» (ЗМ Э, 61—62, 101), «Пророчество nfrtj » (ПН, 9—10) и «История с привидением» (P. Chassinat II, A, x+5), сохранившиеся только в новоегипетских списках.

Датировка всех этих сочинений, за несколькими исключениями, шатка. Споры не вызывают только «Завещание царю Микерэ», явно составленное при X династии (хотя и неизвестно точно, при отце ли Микерэ или, так сказать, *post factum*, при нем самом), и «Поучение Аменемхэ I», составленное, как теперь точно известно из P. Ch. V. IV, vs. 6, 13—14, при Сенвосре I (PLP. гл. II). Вне всяких сомнений и время написания «Пророчества nfrtj », прославляющего Аменемхэ I, и его правильно определил Эд. Мейер в 1913 г. (GdA I, 2, §§ 227A, 280A); и хотя были высказаны на этот счет другие мнения (В. В. Струве, ЗКВ, I, 217 и сл.; СЕК 5, 10—14; Н. А. Шолпо, СЕК 4, 3—6, 5, 15—16), оно, конечно, не может опровергнуть вывод Эд. Мейера (см. теперь PLP, 26). Что же касается других сочинений, то время их появления приходится так или иначе определять, и, конечно, то обстоятельство что в них встречается слово nds , так резко исключенное из языка эпиграфических источников, уже дает необходимое датировочное основание.

Орфография слова $p\dot{d}s$. Как видно из таблицы, слово могло писаться одним знаком «воробей» (Assiout, 191; «ласточка» в типографском наборе, очевидно, ошибка; PSBA 18, 195, табл. = JEA 48, 26, 16) и знаками p + «воробей» (Bг. М. 581, 15, 17). Нормой все-таки является выписывание всех консонантов слова с детерминацией общего порядка (знак «воробей») и уточняющей («мужчина» или «множество мужчин»). Все же отступления от нормы многочисленны: без общей детерминации: Siût III, 63; Hatn. X, 8; Siût I, 223, 279, 280, 309, 310; B. 24032; CM 1759; Dend. P., XXXVII F = Dend. F., 183; без уточняющей: Hamm. M. 199; PSBA 18, 197, табл., 11, 14; AZ 45, VII, 22 = Urk. VII, 5, 7; B. 22820; ASA 34, 52; B. 8815; CM 20001, 20503; M. I, 152 = Urk. VII, 9, 14; Misc. Greg., 461; Mo'alla, 270—271; NeD 78, 81, 84; PUM = SAAAE, 57; вообще без детерминации: Qurneh, II—III = CV, 14; B. 24032; CM 1583.

Все указанные варианты возможны в любом пункте хронологического отрезка раннего Среднего царства, но полное отсутствие детерминации является, кажется, действительно архаической чертой. Единственный датированный образчик такого написания — Qurneh, II—III (эпоха Эйнотефа II) показывает, когда именно это было модно.

В тексте ранней XII династии (ASA 23, 21) делается различие между словом $p\dot{d}sw$ «маленькие люди» и словом $p\dot{d}sw$ «молодость». Последнее лишено детерминативов «человек» и «воробей».

Если знак «воробей» выписан, он делает необязательным выписывание всех консонантов слова. Так, дважды в одной надписи засвидетельствовано опущение согласных $\dot{d} + s$ (Bг. М. 581, 15, 17). Консонант \dot{d} один не опускается никогда, выпадение же s более или менее нормально: B. 8815; JNES 19, 288; M. I, 152 = Urk. VII, 9, 14; PUM = SAAAE, 57; CM 1583; Dend. P., IX, верх.

При выписывании консонантов нормой является выписывание так называемых алфавитных знаков. Соединение же первых двух консонантов двусогласным знаком $p\dot{d}$ — редкое исключение, встречающееся, помимо ханубских граффити времен номархов 'hz-pht и phtj I, только в надписи CM 1583, надписи весьма архаической. Зато в Ханубе, в иератических граффити, такое написание было правилом, не знавшим исключений.

Одной идеограммой «воробей» это слово пишется, кажется, только в начале XII династии. Датированный пример: PSBA 18, 195, табл., 16 (И., 24; относится ко второй половине царствования Сенвосре I); приблизительно этим же временем датируется образец — Assiout, 191 (И., 35; очевидно, ошибочно в типо-

графском наборе вместо знака «воробей» стоит знак «ласточка»). К указанным образцам можно было бы прибавить Bг. М. 581, 15, если делить написанное там (И., 25) на предлог (p) и слово $p\dot{d}s$, как это делает Зеге (Les. Erl., 81, 1), но в стк. 17 той же надписи так (И., 25) написано слово $p\dot{d}s$, и в стк. 15, очевидно, то же написание. И., 24 сопутствует нормальным вариантам и сам является сомнительным (ср. стр. 100). И., 35 — особый случай: это слово, производное от $p\dot{d}s$ «маленький человек», $p\dot{d}sw$ «молодость», не учтенное еще лексикографами.

Несмотря на то что уже в Старом царстве стал давать себя чувствовать процесс оглушения z , в течение всего раннего Среднего царства путаница знаков для z и s редка (SFSt., 62—64). Слово $p\dot{d}s/p\dot{d}sw$ никогда не пишется знаком для z . Когда же такое написание появляется (ПК, passim; Leb., 68), становится ясным, что текст относится к эпохе более поздней (к датировке рукописей Leb. и ПК см. MPal. I, 12, 15; Erg., IV; Dévaud, L'âge, 1—2), хотя даже для времени II переходного периода (Abyd. I, 57; P. Westc. II, 4—5, 25; III, 2, 10, 11, 14, 16, 21, 22; IV, 4; VII, 2) нормой являются написания со знаком «платок».

Безусловно архаическим является написание, помещающее знак «воробей» не как «звуковой детерминатив» после всех консонантных знаков, а между ними, обычно в порядке $p + \dot{d} +$ «воробей» + s , как многосогласный знак. Таким образом слово $p\dot{d}s$ пишется в дендерских текстах (Dend. P., VIII, C, второй ряд, справа; X, Sen-nez-sw, второй ряд, слева; X A).

Возрождение слова $p\dot{d}sw$. Установив значительный перерыв в истории написания слова $p\dot{d}sw$ (Аменемхэ II — вторая половина II переходного периода), мы должны объяснить возрождение этого слова при XVIII династии и в последующие периоды. Едва ли мы ошибемся, если скажем, что на это возрождение повлияло литературное наследие эпохи Среднего царства и в особенности литературные произведения первой половины этой эпохи, считавшиеся в последующие времена классическими, изучавшиеся в школах, читавшиеся и переписывавшиеся.

Вместе с тем трудно не связать ранние образцы $p\dot{d}sw$ в период XVIII династии (например, Cland., 4 от времен Аменхотпа I) с единственным известным нам примером от второй половины II переходного периода (Abyd. I, 57), который, может быть, вызвала к жизни бурная действительность II переходного периода, близкая к действительности I переходного периода.

Как бы там ни было, начиная с XVIII династии слово «маленькие люди» начинает новую жизнь, призрачное, хотя и долгое, на тысячелетия, существование архаизма. Эта призрачная

жизнь архаизма, начавшаяся при XVIII династии (древнейший известный мне образец — от царствования Аменхотпа I: Cland. 4; первые попытки возродить слово уходят во II переходный период: Abyd. I, 57), продолжается до эпохи императоров. Мне известны следующие образцы: Cland. 4; Urk. IV, 64, 11—12; 414, 17; 1388, 10 = Ken-Amun, VIII; Urk. III, 33, 13; Edfou I, 211; Louvre A 84 = B. 8163, 3; Br. M. 1131; CM 42155; AZ 95, 118; Mythe d'Horus, V; Serap. G, 5; BIFAO 54, 132 = Rec. Champ., 548; Br. M. 826, 10; Dend. M., 111, 49; Wb. Bel. II, 568, b; Karnak III, 16, 21; Abyd. M. II 54, 3; Düm. Baugesch., 17; ASA 14, 18; Mett., 52; Mag. Stat. Base, 71, R. A. Caminos, DB 1, 56.

В этой книге мы исследуем, конечно, исключительно средне-египетский материал.

Многозначность слова *pds*. Уже указывалось, что, несмотря на то что «Словарь» отмечает не одно значение, присущее этому слову, на практике его постоянно (за немногими исключениями) понимают однозначно в социальном плане. Что это совершенно неверно, отмечает, например, надпись военачальника *pn-sw-mnṯw* (Louvre C 1; теперь известна и другая стела этого же лица — B. Charl. 301, см. БТН Т., ССХСV; Simpson, Terrace, XIV—XV), который называет сам себя *pds* и при этом говорит, что его покровительства искали большие люди и *pds* (ср. CM 20503). Конечно, несоответствие такого рода пытались объяснить демагогическими приемами знати, но натянутость подобных объяснений очевидна. Перед нами разные, по существу, слова: какое-то лестное название, идеал, к которому стремится знатный египтянин, и социальное понятие — все маленькие египетского народа. Изучать, стало быть, слово *pds* надо по аспектам. Начнем с социального как наиболее интересного для историка.

А. Социальное обозначение. Особенно четко проявляется в противопоставлениях «большие» — «малые».

1. «Большие» — «малые». Это противопоставление обычно встречается в устойчивых фразах: «Творил я любимое большими, хвалимое маленькими» (CM 1759 = Urk. I, 151 = CV, 1; CM 20503; JNES XIX, 288; Qurneh, II—III = CV, 14) и «Говорил я любимое большими, хвалимое малыши» (Dend. P., IX, верх; X A Ptah Mera Cornice, справа 4 и 5 ряд; X A Ptah Mera), ср. JTA I, 46, 122, Pol. XI Dyn., § 43. В разрушенном тексте приходится колебаться между альтернативой. Так, в Dend. P., X A Beba and Nekht и Dend. P., XII, 1 ряд, 2—3 фр., стк. 3, Antefa. Никаких колебаний, впрочем, не вызывает CM 1759, хотя начало фразы там и разрушено. Добавление «в занятии

(=должности, ср. Leid. 11) этом» делает восстановление [«творил я»] бесспорным. Хозяин этой стелы, *shḏw zš:ww sp:t (njw) rgw* (наставник писцов нома, что от Дома большого, т. е. дворца) *pḡw* (?), хотел этими словами сказать, что он исполнял свою должность таким образом, что им были довольны все. Собственно говоря, подобные выражения не имеют целью сказать нам что бы то ни было о настроениях, вкусах, склонностях больших людей, с одной стороны, и маленьких людей — с другой. Они этих людей никак не характеризуют. Такие выражения равнозначны нашему «все».

Отступление от нормы встретилось нам только раз в разрушенной надписи В. 8815. Слова *m 'w g pds* можно понять как «от мала до велика» (букв. наоборот: «от велика до мала»), но истолковывать сильно разрушенный текст, конечно, трудно.

Интересный и притом совершенно неожиданный вариант к традиционной фразе «творил я любимое большими, хвалимое маленькими» дает стела *mgw* в Кракове (другая его же стела — CM 1651): «Творил я любимое большими, хвалимое *ḥnw-rgw*» (Cragow, 4—5). Самое чтение слова уже представляет трудности: *ḥnjw* «внутренние» или *ḥnjw-rgw* «внутренние дома» (ср. JEA 47, 6; Kush X, 333; SMHT, 63, с) но смысл, конечно, ясен: слуги или подобное. Слова *mgw*, безусловно, надо понимать не в том смысле, что «маленькие люди» — слуги вообще, этот вывод нельзя было бы согласовать с другими случаями употребления антитезы «большие» и «маленькие» (ср., например, CM 1759, наставник номовых писцов, угождающий своей служебной деятельностью большим и маленьким, не мог, конечно, иметь в виду слуг). Дело, очевидно, в положении самого *mgw*, бывшего *jmj-g: zḏww* (начальник резников) в штате какого-то правителя (*ḥḳ*). В его представлении традиционная антитеза получила неожиданную конкретизацию во второй ее части. «Маленькими людьми» в случае с *mgw* были слуги «правителя», его многочисленная челядь, столь же довольная этим *mgw*, как и «большие», видимо номарх, его семья, ближайшее окружение. Недаром сразу же за этой фразой у *mgw* следует другая, заявление *mgw* о том, что он сам — «нрав, любимый искусными слугами (*wb:ww*) его». Так назывались слуги, занятые пищей господ, ее приготовлением и сервировкой, стало быть, в данном случае, несомненно, «коллеги» и к тому же подчиненные *mgw*. Термин *wb:ww* до сих пор в этой надписи не был распознан (ср. JEA 47, 6; Kush X, 334; SMHT, 63), но он налицо.

В другом случае (Br. M. 1372), примерно от того же времени, в антитезе «большие» и «малые» была конкретизирована часть «большие» ср. БТН, 105 (22). Впрочем, вместо слова *pds*

в этой надписи употреблен более редкий его синоним ṣṣg, который нас сейчас не интересует. Ср. также стр. 91.

II. «Великие» — «маленькие». Слово «великие» (wḡww), конечно, практически равнозначно слову «большие», и можно было бы ожидать, что и употребляется оно в составе антитезы с nḏsw совершенно так же. Все же есть и некоторое различие. Так, традиционное «творил я любимое» одними и «хваляемое» другими с антитезой wḡww-nḏsw засвидетельствовано только один раз — NeD 75, а параллельное «говорил я любимое ...» не обнаружено вовсе, что нельзя упускать из виду при восстановлении разрушенных текстов. Вообще, этот вариант антитезы как будто употребительнее первого за пределами двух разобранных выше трафаретов. Значение, конечно, то же — «все», в отрицательном же варианте — «никто».

Так, глава экспедиции за камнем - bḥn (граувакка) в Вади Хаммамат утверждал, что из его отряда «не умерли ни великие, ни маленькие» (Napf. M. 199), т. е. не умер никто, весь отряд вернулся целым. Разумеется, этим словам можно придать и несколько более конкретное значение: маленькие — рабочие экспедиции и великие — всяческое начальство над ними. Такая конкретизация налицо в надписи военачальника nḏ-sw-mnḏw: «Молодежь (обыкновенно в значении „воинская молодежь“, молодые люди, из которых состоит войско) Все постоянно любит меня, потому что никогда не творил я произвола (предположительный перевод tp-ḥnt, ср. FCD, 297, но ср. 192!), великие хвалят меня, большие (пребывают передо мной) в склонении, маленькие приходят ползком» (Louvge C 1, 9—10). Налицо несомненный хиазм: «молодежь — великие», «большие — маленькие». Разрешается же он так: все войско (молодежь) было довольно им и «склонялось перед ним, начальство и рядовые, большие и маленькие, т. е., собственно, все в войске».

В надписи ираклеопольской эпохи из Нага эд-Дейр один египтянин (имя не сохранилось) рассказывает: «Я действовал мышцей своей, когда (еще) я был юнцом, и было имущество отца моего отнято у меня; служил я сидельцем (букв. „творил я сидение“, т. е. службу, противоположную „стоянию“, прислуживанию господину, видимо, приготовление пищи, см. стр. 134) у великих и малых (написано: „великий“, „маленький“, ед. ч.), служил я им» (NeD 12), т. е., прежде чем выйти в люди, автор надписи должен был работать, прислуживая кому придется, так как его лишили отцовского состояния.

Наконец, Фишер обращает внимание на текст с саркофага некоего bb в Нитенторе: snḏsw wḡww ṣḥntw nḏsw «умаляющий великих, выдвигающий маленьких» (Dend. P., XXXVII F=Dend.

F., 183). В данном случае антитеза получает иное назначение, являясь характеристикой справедливости администратора, уравнивающего крайности. Именно в такой роли выступает Солнце в Pap. Leid. I, 347, 3,5, как на это обратил внимание А. Клазенс (Dend. F., 184). Фишер замечает, что на саркофаге вместо «великие», может быть, следует читать sjḡww (транслитерация в соответствии с коптским sjūg). Во всяком случае, и здесь элементы антитезы лишены какого-либо конкретного содержания, охватывая в конце концов всех.

«Маленькие» и «большие» — скрытая антитеза. Если, действительно, на саркофаге bb надо читать не wḡww, а sjḡww, придется рассматривать этот пример как случай скрытой антитезы. Другой такой же налицо в «Завещании царю Микерэ» (ЗМЭ, 61—62): «Не отличай сына мужа (= знатного) от маленького человека», т. е. незнатного (это же выражение на стеле Меттерниха, стк. 52 и Mag. Stat. Base 71; в указанных случаях вариант «не различай»). Опять-таки налицо самые общие понятия: знатные и незнатные, ничего конкретного. См. также стр. 91.

Несмотря на то что в настоящей книге мы рассматриваем материалы исключительно Среднего царства, нам представляется уместным в этом разделе нашего исследования о nḏsw сослаться на надпись времени VI династии, «автор» которой, некто 'nḥw, заявляет: «Никогда не забирал я имущества (букв. „вещей“) человека какого-либо более маленького, чем я (сам), будь то насилем, будь то силой» (Kémi 15, 17, III, IX, 5). К сожалению, издатель надписи не заметил, что в надписи идет речь не просто о z nḏs «человеке маленьком», а о z nḏs ḡ, т. е., несомненно, z nḏs ḡ.j «человеке, меньшем, чем я (сам)». «Автор» надписи — металлург и, следовательно, сам человек незнатный, хотя и, бесспорно, обладавший немалым достатком, коль скоро он оказался в состоянии соорудить себе прекрасную гробницу. И все же есть еще «меньшие, чем» он. Таким образом, разряд «маленьких» — понятие относительное, связанное с конкретным положением говорящих о них: для человека со скромным общественным положением — это одни, для знатного — другие, и в том числе все эти средние. Стало быть, «маленькие люди» — это не определенный слой в египетском обществе, а все незначительные по своему общественному весу, все бедные, убогие и т. д. Существенного значения для социальной истории страны, следовательно, это слово не имеет, и описывать социальную структуру Египта в подобных категориях так же трудно, как невозможно представить себе современные нам общества Запада в категориях «богатые» и «бедные». «слабые» и «сильные» и подобных.

безразлично) автоонографическую надпись в стихах (редчайшее явление большой культурно-исторической важности, о котором нам придется говорить особо); говорит:

Это я — друг маленьких людей; сладкий благосклонностью к тому, у
кого нет (ничего).
Это я — заботящийся о голодном, у которого нет имущества; щедрый
к маленьким людям
(Br. M. 581 = Les., 80—81)

Опять-таки «маленькие» — это голодные, неимущие, которым надо помогать, которых надо поддерживать.

Наконец, о «маленьких» говорит и jmj-r: s̄ (капитан невоенного судна; чтение до сих пор сомнительно, к значению см. JEA 4, 28 и сл.) sbk-ḥtpw, лицо среднего общественного положения: «Не лишал я маленького человека надела его» (Natn. 22, 8). Поскольку в «Беседе разочарованного» также идет речь о «маленьком человеке», обрабатывающем свой надел (Leb., 68), возникло убеждение, что «маленькие» — крестьяне или даже крестьяне-общинники. На деле это все слабые, бедные, убогие, угнетенные египетского общества. Разумеется, степень их слабости, бедности, убогости, угнетенности могла меняться. Среди них могли быть и просто неимущие, и люди, располагающие участком земли (šdw), вполне возможно, те же ḥwtjw (или jḥwtjw, по E. D é v a u d, Sphinx 12, 107—110; 13, 153—162), и люди с каким-то достатком, но все-таки беззащитные перед произволом чиновника, даже и не очень высокопоставленного. «Наделы», «имущество», о которых говорят перечисленные выше благодетели «маленьких», таким образом, отнюдь не характеризуют какой-то определенный слой, разряд, сословие. Налицо расплывчатое, неопределенное обозначение, подобное нашему «бедный», «угнетенный» и т. п., и только.

Наконец, «маленькие» могли противопоставляться и не столь уж высокопоставленным «большим», например, в пределах одного экспедиционного отряда (Natn. M. 199).

Другой пример — Natn. X, 7—8. Посланный за алебастром чиновник номарха XV нома Верхнего Египта, jmj-r: rgw (допомправитель) jrwtj (?) говорит, что он был щедрым к своему отряду (tzt) и «свободным от битвы (неповинным в битве) маленького человека», не вообще «маленького человека», а, очевидно, в пределах отряда.

«Маленькие люди» во время политических преследований при IX—X династиях. В бурную пору IX—X династий, когда внутреннее положение страны было крайне неустойчивым, а власти подозрительны и жестоки, в био-

графических надписях проскальзывают намеки на доносы и казни, и притом в устрашающих размерах. Номарх XIII верхне-египетского нома при предшественнике царя Микерэ, а может быть, и при нем самом, jtw-jb.j говорит о «маленьких людях» как жертвах такого преследования, как если бы гонения возводились на них одних, между тем едва ли могут быть сомнения в том, что в такой обстановке должны были страдать все, «великие и маленькие», первые даже в большей степени как более активные в политическом отношении. Постараемся разобраться в словах номарха, оставшихся до сих пор не понятыми, причем ключом к пониманию всего отрывка нам послужит слово grg, впервые распознанное Полоцким (OLZ 42, 156), вместо неверного str, прочтенного последним издателем текста.

Интересующий нас раздел надписи входит в ту ее часть, в которой номарх говорит о спокойствии и стабильности в его номе как результате образцового управления номом. Разумеется, спокойствие, безопасность были в те времена наиболее желанными из всех благ. При таком номархе из нома исчезли грабители и бандиты, не было стычек и столкновений, столь обычных в пору усобицы, и путник мог спокойно заночевать в пути, что называется, в поле: страх, внушаемый войском номарха, был ему защитой.

Умиротворив свою область, сделав невозможным какую бы то ни было вооруженную борьбу в ней, он избавил ее и от другого бича, уносившего человеческие жизни не менее первого. Он пишет: «Клевета (расценивалась в мое время) как мерзость бога (= смертный грех), не поражала она маленького человека, потому что он не должен был становиться по отношению ко мне в положение просителя, принесшего дар, при правильном порядке вещей в городе (букв. „в правильности города“) (и) при желании моем, чтобы не обезлюдел Сйовт (букв. „в желании заселить Сйовт“). Разумеется, номарх имеет в виду не только столицу нома, но и весь ном в целом), после того как расширил я место безопасности для маленьких людей».

Ключ к этим словам, как уже говорилось, в слове grg «заселять» (Wb. V, 187, C = FCD, 291). Однако номарх не принимает мер к заселению нома. Он стремится лишь не уменьшать уже существующее население, устранив причины массового уничтожения людей: врага, разбойника и палача. Таким образом, этот глагол у номарха получает значение «не обезлюдить» (в переходном значении).

Как только это становится ясным, определяется значение заключительных слов номарха, начиная со слов «расширил». Речь не может идти о расширении территории нома или даже

округа столицы области. Слово же *srft* (впервые распознано Шенкелем: SMHT, 78), связанное с отдыхом, покоем, умиротворением (FCD 236), в этот контекст подходит прекрасно. Установив порядок и справедливость в номе, номарх тем самым увеличил безопасность его жителей (ср. как бы перевод древнего *jst srft* на новоегипетский: *bw srf* «место успокоения», благополучное пристанище, Ani, IV, 12; V, 1. При интерпретации этих фраз важно учитывать наблюдение Гардинера, что в этом сочинении местоименный суффикс *k* имеет вид *ksw*, JEA 45, 12—13).

Точно так же и слова «в правильности города», по-разному толкуемые, в тональности «в желании не обезлюдить» ном, получают то истолкование, которое мы дали им в переводе. Слово *mtt* «правильность», «правильное», разумеется, то же, что и в Hamm. M. 1: «Творил я правильное (*mtt*) все для» царя.

Что же касается начала фразы, то слово *šnj*, без сомнения связанное с судом нелицеприятного и не льстящегося на интересы номарха, здесь совершенно уместно, предполагая сыск, суд и подобное (Wb. IV, 494, 11—13; 495, 8—17=FCD, 268). И это отнюдь не суд по гражданским делам, как можно было бы заключить из упоминания «маленьких людей», поскольку это слово постоянно увязывается с насилием, произволом всех «больших» и «великих» над «маленькими». Слишком сильно заявление номарха, что он считал все такое «мерзостью бога» (т. е. мерзостью для бога), может быть, «тем, что мерзко богу», поскольку не всегда легко сделать различие между существительным *bwt* и относительной формой глагола *bw* (согласно Wb. I, 453, 6 *bwj*) «испытывать отвращение» или подобным (FCD, 82), т. е. клевета — ложные обвинения подвергаются проклятию, мы бы сказали, анафеме. Речь идет, конечно, только о политических делах, так как преследование в уголовном порядке убийц, разбойников, грабителей не могло носить массового характера, входило в представление о порядке и ни в какой степени не угрожало обезлюдить ном.

Более того, *šnj* в этом контексте так или иначе связано с ложным обвинением по политическим делам. Открываются две возможности: понять *šnj* абстрактно, как «клевета», «(ложное) обвинение» (ср. Wb. IV, 496, 1=FCD, 268), или конкретно: «сутяга», «обвинитель» и т. п.

Как будто абстрактнее предпочтительнее, поскольку глагол *šnm* (написан под влиянием *z > s* *sznm*: резчик сделал уже «*s*», но вовремя спохватился и исправил ошибку, ср. SFSt., 62—63) «устремляться», «бросаться», «набрасываться» (ср. FCD, 244; авторы «Словаря» исходной считают форму *šnm*, см. Wb. IV, 269,

13—16) не вяжется с «обвинителем», «сутягой» и подобным, тогда как ложное обвинение, наступающее (в метафорическом плане, разумеется), поражающее свою жертву, естественнее.

Параллель к словам *jtjw-jb.j* мы находим в надписи *mtgw* (Сгасов, ср. стр. 87): «Не говорил я лжи против живого человека, мерзость (бога) Анупа, даже (*grt*) когда страх настал при перемене власти (букв.: „при другом, т. е. новом порыве ветра“; о слове *swt* см.: M. F. Laming Macadam, JEA 25, 128=FCD, 215; о ветре в значении „режим“ и подобном ср. ПН, 28—29; это значение не учитывается Граповым, см.: Ggarow, Bild. Ausdr., 40—42) в городе этом», т. е. городе в округе нынешнего Гебелейна.

К интерпретации этого важного заявления см. помимо замечаний издателя стелы, Гёдике (JEA 51, 43, прим. 5) и SMHT, 63.

Здесь опять-таки дело идет о «мерзости», но уже не неизвестного бога, а Анупа, что, видимо, не случайно. Слово «мерзость» связано с деятельностью властей в тревожное время ираклеопольской эпохи. В данной надписи прямо говорится об установлении нового режима в городе этого *mtgw*, но, конечно, его город — это только частица страны.

Разумеется, не ложь — мерзость Анупа. Многозначительно употребление в этом контексте слова *ḥnw*. Оно, конечно, не значит «горожанин», как полагал Гёдике, но «живой», как правильно переводят Черны и Шенкель. Но речь идет не о любом человеке, а именно о живом как противоположности мертвому, т. е. *mtgw* не говорил лжи против живого, чтобы не сделать его мертвым, т. е. не возводил на кого бы то ни было ложных обвинений политического характера. Вот это ложное обвинение и есть «мерзость Анупа», вернее, не оно само, а его результат — казнь, смерть. Ведь бог Ануп — бог мертвых. Теперь мы узнаем почему. Оказывается, потому, что смерть была его «мерзостью», была отвратительна ему, более того, несовместима с его природой. Как враг смерти, он становился покровителем умерших, обеспечивая им и после смерти возможность существования, делая их живыми.

Заметим, что в надписи *mtgj* (VI верхнеегипетский ном) той же эпохи говорится: «мерзость моя (мерзость для меня) — убийство людей» (Dend. P., VIII C, справа внизу=Dend. F., 141), т. е. убийство несовместимо с его природой, невозможно для него. Фишер справедливо полагает, что речь идет не о войне, а мы добавим, конечно, и не об убийстве как преступлении: такой высокопоставленный чиновник, как *mtgj*, не мог хвалиться только тем, что он не-был душегубом. Скорее, и это допускает Фишер,

речь идет о желании предотвратить гибель невинных в неустойчивые дни ираклеопольского режима. В связи с таким заявлением mḡḡj Фишер приводит слова отца царя Микерэ, советующего сыну наказывать побоями, а не смертью (ЗМЭ, 50), но речь идет, очевидно, об уголовных преступлениях и собственно об исключении. В случаях мятежа и подобных он рекомендует смерть.

Выяснив все это, мы должны теперь понять, какую роль играли в той исторической драме «маленькие люди». Номарх jtw-jb.j раскрывает это в своей надписи в словах, что ложные обвинения не поражали «маленького человека», поскольку он (номарх) не брал взятки, а судил по справедливости. Значит, при бессовестном номархе «маленький человек» пропал бы. Следовательно, все дело в невозможности для «маленького человека» откупиться от суда. «Великие» или «большие» люди уцелели и при неправедном суде с помощью взяток, а «маленькие» на это не способны. Они — неимущие, и их спасает номарх. Стало быть, и в этом контексте слово «маленькие люди» употреблено в значении «бедные», «неимущие» и т. п.

О втором упоминании «маленьких» в гробнице этого номарха см. стр. 121.

«Маленькие люди» в надписи номарха mḡḡw-ḥtrw. Целое небольшое сочинение посвящает «маленьким людям» номарх Ермонта, «первого из номов» египетского царя по имени mḡḡw-ḥtrw. Надпись на его стеле (PSBA 18, 195 и сл., табл. = JEA 48, 26), датируемая со всем на то основанием Шенкелем (JEA 50, 6—7) царствованием Сенвосре I, по содержанию делится на три раздела, из которых два первых не выделяются ничем среди многочисленных «автобиографий» Среднего царства.

В первой части номарх повествует о царских милостях, о том, как он посещал дворец всякий раз, когда царь устраивал прием там своим вельможам («всякий раз, когда было озарено там», ḥ'jw — пассивный sḏm.f, а не причастие «воспевающий», как полагает Гёдике), причем он входил во дворец, сопровождаемый вельможами (wḡww), и привратники (jḡjw sbḥt) склонялись перед ним. Это второе описание посещения номархом царского двора при Сенвосре I. Первое — Münch. 4, ср. RdÉg. 23, 29.

Во втором разделе он описывает свои богатства, которых он достиг исключительно благодаря своим высоким личным качествам, обеспечивающим ему покровительство богов, творящих зерно, ткани, скот и людей (ср. стр. 37). Это личное богатство дает ему возможность спасти население Ермонта от голода 25-го года, вызванного недостаточным половодьем.

Называя эту дату, номарх указывает на важное событие царствования Сенвосре I, о котором говорит и номарх jḡḡj (см. стр. 91). Последний, впрочем, упоминает «годы голода», наступившие, очевидно, в то время.

Наконец, третий раздел посвящен отношению номарха к «маленьким людям». Основная его часть состоит из серии инфинитивов (на русский их приходится переводить существительными, описывающими действие или состояние), характеризующих идеальные качества и оптимальные способы действия египетского администратора, и все это предваряется словами sb:wṯ n ḥrdww m-ḡḡ «наставление детям, а именно:...». Гёдике поэтому имел основание заключить, что этот раздел надписи не «автобиография», а дидактическое сочинение, соединенное с ней, совсем как на стеле SM 20538 (JEA 48, 31, W).

Очень скоро, однако, ему возразил Шенкель (JEA 50, 6 и сл.), отстаивавший тот взгляд, что и третий раздел этой надписи является обычной «автобиографией». Для этого он должен был истолковать формы, принятые Гёдике за инфинитивы, как самоаттестации хозяина стелы в форме причастий, ибо на причастиях обычно строились «автобиографии». Ему было это легко сделать, поскольку все глаголы в этой надписи, за исключением одного, мужские, и, стало быть, на письме инфинитивы от них неотличимы от причастий.

Что же касается слов «поучение детям», то Шенкель полагал, что их надо понимать как sb:wṯ(j) nj ḥrdww m ḡḡ hrt «учитель детей в речи спокойной», т. е. как очередную самоаттестацию «автора».

Из этого истолкования видно, что Шенкелю приходится прибегать к натяжкам, тогда как Гёдике обходится без таковых. В конце концов, ключевое слово sb:wṯ написано так, как и должно быть написано слово «поучение», а не так, как «учитель»; близость к нему сочетания m-ḡḡ, играющего роль союза, вводящего прямую речь, также достаточно показательна. Слово hrt, безукоризненно истолкованное Гёдике как инфинитив, первый из серии инфинитивов, Шенкелем дается иначе лишь с помощью предположения (vermutlich). Я не стану останавливаться на критике грамматического характера (JEA 50, 9—10), поскольку, на мой взгляд, она вовсе не имеет отношения к переводу Гёдике.

И все же Шенкель, очевидно, был прав в том, что третий раздел не является дидактическим сочинением. И вот почему: этот раздел надписи, как и два предыдущих, целиком должен быть посвящен прославлению редких душевных и деловых качеств номарха, которое заканчивалось неким итогом, как пролог к которому вся эта часть, собственно, и была написана.

Номарх не имел ни малейшего желанья кого-либо поучать, но сам он (его нрав и дела) мог послужить поучением для юношества. Каким именно, следовали описания в серии инфинитивных оборотов, а в заключение — итог к вящей пользе номарха. Эти мотивы и заставляли номарха снова и снова возвращаться в своей надписи к «маленьким людям».

В стк. 11 и 12 он сообщает: «(Я сам—) поучение (настоящее) для юношей: спокойствие; терпеливость; отсутствие спора с маленьким человеком, ибо нет высокопоставленного высокомерного, которого бы любили, благосклонность к говорящему (букв. „тому, кто будет/должен говорить“) о нуждах своих, пока он не изложит наболевшее (букв. «состояние утробы своей»), выслушивание голоса его (и есть уже) устранение нужды его, ибо (всякий) человек познается (букв. „дается“) по сути своей подлинной избытком молчания (со стороны изучающего), когда подавляются порывы (букв. „сердце“)».

Эти слова номарха говорят только об одном — о необходимости внимательно и доброжелательно выслушивать незнатного просителя, давая возможность ему высказаться полностью, подавляя свои чувства, реакции и «избытком молчания» определить, что собой представляет проситель сам и каковы его нужды. Разобравшись в этом, он, собственно, уже решает дело. Таким образом, «маленький человек» здесь — это человек из народа, терпящий нужду, зависящий от всякого начальства, но он... это интересная мысль, и новая, он в конечном счете судья своего начальства. «Любимый» начальник, т. е. хороший, успешно справляющийся со своими обязанностями, это начальник, любимый прежде всего «маленькими людьми», простым народом.

Далее, продолжает номарх, «сгибание рук всем (в знак благодарности номарху; удовлетворив просьбы простых людей, он как бы заставлял их склоняться перед ним с благодарностью за сделанное); не оставлять без внимания голодного, ибо длань милосердная — та, что любят, ибо плоть одна — (все) люди, без заботы какой-либо об уполномоченном ли, о казначее ли каком-либо Дома (царя), кроме слов (букв. „говорения“): „будь благосклонным, не будь (предубежденным) против просителя, пока он не скажет того, зачем он пришел“».

В этом отрывке «маленькие люди» прямо не называются, но, конечно же, вся речь о них. Их благодарность надо заслужить, их любви надо добиться. И всего этого достигнуть несложно: не надо проходить мимо голодного, надо быть щедрым. При этом вовсе не обязательно обращаться за помощью к представителям «Дома царя». Нужно только самому быть терпеливым при разборе жалоб и беспристрастным и помогать

людям не из государственного, а из собственного имущества. К ḥ; g «заботиться о ком-либо», «беречь» см. НР, 1, гл. 3, vs. 12.

Два обстоятельства заслуживают здесь специального упоминания. Первое: «длань милостивая» напоминает древний титул, jmt-; включаемый некоторыми номархами ранней XII династии в свою титулатуру. Номарх jmntj определено объединяет этот титул с титулом ḥ:tj- «переднерукий», глава местной администрации, тот, что впереди в ряду должностных лиц нома или города, с рукой, держащей посох и выставленной вперед, показывая таким образом, что эта первая рука нома есть рука милостивая, щедрая (ср. Urk. VII, 19, pass.; MDAIK 21, 95—100, XXIII—XXIV). Не исключено, что этот титул подчеркивает, что именно номарх выдает вспомоществование нуждающимся.

Второе: номарх говорит, что все люди — одна кожа. Но «кожа» (jpm) по-египетски означает все, что на костях. Поэтому, когда (в мифологии) говорят, что с бога XII нома сняли кожу, то под этим разумеют, что остался один скелет (ср. ВДИ, 1969, № 1, 26—27). Таким образом, номарх утверждает, что все люди, и «маленькие», и «большие», — одна плоть, поэтому нельзя не обращать внимания на то, что «маленькие» голодают. По природе все равны. Это первое и единственное пока заявление такого рода в древнеегипетских памятниках письменности (другие истолкования этого важного места см. JEA 50, 11, 7).

На этом заканчивается описание достойного подражания для юношества идеального образа мыслей и действий этого номарха. От идеала он переходит к делу: «Всякий раз, когда мне сообщали (бедственное) состояние маленьких людей, вдов и сирот равным образом, я [помогал им всем (текст разрушен; предположительное восстановление Шенкеля)], чтобы дать дышать тому, кто оказался в нужде».

Опять-таки «маленькие люди» — это нуждающиеся, голодающие, бесправные и теснимые, коль скоро они оказываются постоянно на одном положении с вдовами и сиротами. И вместе с тем поэтому «маленькие» mnḥw-ḥtpw — это простой народ Египта вообще, ибо в памяти их он и желал соорудить себе нерукотворный памятник.

Мы раскрыли, таким образом, назначение третьего раздела надписи mnḥw-ḥtpw. Это Egegi monumentum на египетском языке, почти за 2000 лет до Горация.

Этот номарх делал хорошее, потому что «нрав добрый человека для него значит больше, чем тысячи рабочих рук за работой», т. е. добрый нрав способен создать человеку лучший (несомненно, стало быть, более долговечный) памятник, чем высочайшая из пирамид. Тысячи рабочих рук при сооружении памятника

потребны были, конечно, только в пирамидном строительстве, и, стало быть, *mptw-ḥtpw*, хотя и не упоминает слова «пирамида», имеет в виду ее. Своего рода «*pyramidum altius*».

Разумеется, понять это место стало возможным лишь после рассмотрения нами соответствующей терминологии (см. стр. 61). Оно связано с поговоркой, которую приводит далее номарх: «(Подлинный) памятник человеку — добрые свойства его, забвение — это злонравный» (ср. JEA 12, 282, A 2), продолжая затем: «если будет свершение по слову (сему; букв. „сообразно сказанному“, т. е. по поговорке), то пребудет имя мое доброе постоянно во граде моем, ибо нерушим (Gr., § 424, 1) памятник мой вовек».

Итак, имя номарха никогда не будет предано забвению, потому что он сотворил себе нетленный нерукотворный памятник. Но ведь мы знаем из предыдущего, что добро он делал «маленьким людям», и, следовательно, именно в их сердцах и сердцах их потомков, в памяти простого народа надеялся он жить вечно. Поэтому логично, как это делает Гёдикэ (и с ним соглашается Шенкель), вкладывать поговорку, которой завершает свою надпись номарх, в уста «маленьких людей» (поговорку вводят слова «изречение это, находящееся на устах маленьких»), но Ган вместо «маленькие» читал *wgww* «великие» (JEA 12, 282, A 2 и прим. 2). Если прав Ган, то слова номарха, видимо, следует понимать в том смысле, что изречение, призывающее к вниманию к бедным и угнетенным, постоянно помнят, должны помнить «великие».

К сожалению, выяснить, какое чтение верно, по фотографии, опубликованной Гёдикэ (JEA 48, II), нельзя. Чтению Гана, казалось бы, следует отдать предпочтение: слово *ndš* в этой надписи не пишется одной идеограммой, а слово *wgww* только так и выражается там на письме; самый знак — совершенная «ласточка» (*wgww*) — заметно отличается от знака «воробей» (*ndš*). Однако хвост птицы на фотографии как будто лишен характерного для ласточек раздвоения. Вопрос поэтому приходится оставить открытым³.

«Маленькие люди» в социальном плане. Таким образом, слово *ndšw* как обозначение «маленьких» в плане социальном является самым общим названием всех тех, кто может быть противопоставлен «большим» как в масштабе города, нома и, видимо, даже всей страны, так и в масштабе отдельного экспедиционного отряда. Емкость понятия в значительной степени зависит от того, каким «большим»/«великим» эти «маленькие» про-

³ Д-р Т. Дж. Мартин по моей просьбе проверил этот знак. Он склоняется к мнению, что это «воробей».

тивопоставляются, но в общем и целом под «маленькими» разумеют всех терпящих нужду, притеснение всех убогих, немущих, положение которых сопоставимо с положением вдов и сирот.

Абстрактное существительное от социального *ndš*. От *ndš* «маленький человек» в социальном плане образовано абстрактное *ndšw* «малость», «незначительность», «бедность», «нищета», единственный раз засвидетельствованное в Pr., 13, 6, и учтенное «Словарем» (Wb. II, 385, 14), и Фокнером (FCD, 145).

Б. «Маленькие люди» по росту и возрасту. Наряду с «маленькими» по социальному положению слово обозначало и «маленьких» по возрасту и даже росту (Wb. II, 385, 5). Впрочем, последнее основывается исключительно на том предположении, что гигант-змей, герой «Сказки о потерпевшем кораблекрушение», называл попавшего на его остров египтянина «крохой», «малюткой» (ср. стр. 74). Однако если наименование по социальному признаку в случае «Сказки» действительно неуместно, змей мог назвать своего гостя «молодым человеком» или подобным, поскольку он и в самом деле был молод во время описываемых событий, ведь по его возвращении с острова царь берет его в телохранители, куда, конечно, брали молодцов из молодцов.

Что же касается значения «молодой человек», то оно определено налицо там, где слово *ndš* противопоставляется слову *j;w* «старый» и подобным.

Один такой случай — в надписи *mrgj* (VI ном; ираклеопольский период). Говоря о благодеяниях, которые он оказывал родному городу (Нитенторе), он упоминает: «[Погребал я ста]риков (*j;w*) его (=города), обрезал *ndšw* его (=города)...» (Dend. P., VIII, справа внизу = Dend. F., 149). Как известно, обрезание совершалось в подростковом возрасте (С. De Wit, AZ 99, 41—48), следовательно, *mrgj* говорит действительно о молодежи.

Также в возрастном плане употребляет это слово и *zšzw md;t-nrg* (писец книги божьей) *ḡḥwtj-nḥt-w-nḥw*: «Это я — сын старому (букв. „старого“), отец юнцу (*hrdw*), начальник (*tjzw*) *ndšw* в местах всяких» (Hatn. 12, 11—12). Эта надпись определяет, таким образом, границы возраста *ndš*: между детством (слово *hrdw* охватывает все возрасты от младенчества до возмужалости, но в данном случае это возраст, нуждающийся еще в отцовстве, — детство) и старостью. Разумеется, этот возраст не заполняет все время между этими точками. Это, конечно, молодость, акмэ.

Очевидно, в этом же значении «молодой человек» используют интересующее нас слово номархи XIII нома ḥtj I и II (дед и внук? Второй — современник царя Микерэ): «Кормил (букв. „давал жить“) я город (=ном) свой ссудами ячменем. Позволял (букв. „давал“), чтобы брал себе nḏs северного ячменя вместе с женой его, (и) вдова вместе с сыном ее» (Siût V, 9—10).

Разумеется, ссуда зерном для nḏsw, вдов и сирот позволяет рассматривать этот термин в плане социальном: бедный, нуждающийся. Однако в данном случае звучит иная тональность: не забота о бедных, а отсутствие какой бы то ни было дискриминации в номаршье благотворительности, уравнивающей даже вдову и замужнюю. Так буквально говорит номарх jmnj: «Давал я вдове, как и замужней; не отличал я великого человека от малого (šrj) во всем том, что я давал» (BH I, VIII, 20—21 = Urk VII, 16, 12—13). Таким образом, речь идет о вдове и ее сыне-ребенке (общий случай) и жене и ее муже в расцвете лет.

«Не было сражения, не было стрельня стрелой, не было убийства ребенка (ḥrdw) возле матери его (и) nḏs возле жены его» (Siût IV, 33—34). Это черта из картины идеального положения вещей в номе в бурное правление ираклеопольского царского дома. Опять-таки слово nḏs имеет значение возраста, старшего ḥrdw (младенец, мальчик, отрок, юноша), и притом возраста, типичного для состояния в браке. «Парень», «молодой человек».

На других примерах этого значения слова nḏs мы будем еще останавливаться в дальнейшем.

Свидетельство надписи b;kw-nj-ḥnsw. Казалось бы, очень точные сведения касательно возраста nḏs дает нам первый пророк Амуна при Рамсесе II в надписях на двух своих статуях: каирской (CM 42155) и мюнхенской (Th. Devéria, Bibl. ég. IV, 268; M. Plantikow-Münster, ÄZ 95, 117 и сл.). Особенно определены указания мюнхенской надписи. Рассказывая о должностях своих, которые он исполнял со времени рождения своего, b;kw-nj-ḥnsw говорит: «Провел я 4 года в качестве молодца отличного (nḏs jkr), провел я 11 (так Плантиков-Мюнстер против „12 лет“ Девериа) лет в качестве юноши, в качестве ведающего конюшней, которого сотворил (=вырастил) царь Менмарэ, исполнял я должность жреца-уэба (бога) Амуна в течение 4 лет, исполнял я должность жреца-отца божьего (бога) Амуна в течение 12 лет».

Его слова можно понять так, что первые 4 года своей жизни он не исполнял никакой должности, но с 4-го по 15-й год был или, во всяком случае, числился «ведающим конюшней» (не

исключено, конечно, и то, что он был определен в эту должность в какой-то год между 4 и 15), а с 15-го по 18-й год служил жрецом-уэбом и т. д.

Однако в каирской надписи речь идет о том, что он окончил школу в качестве «молодца отличного» (nḏs jkr), и, стало быть, можно предполагать, что первые 4 года, о которых говорится в мюнхенской надписи, и есть 4 года школы, в которую будущий первый пророк не мог поступить ранее 5 лет от роду (так G. Lefebvre, REA, I, 138 и сл.).

В любом случае ни младенец, от рождения до 4 лет, ни ребенок, от 5 до 9, не соответствуют назначению возрастного термина nḏs в эпоху I переходного периода и ранней XII династии. При XIX династии в надписях на среднеегипетском языке, повествующих об учебе, как видно, любили употреблять древние возрастные термины и делали это, конечно, не всегда удачно. Ср., например, надпись первого пророка (бога) Анхуре jnjw-ḥrt-msjw при Минептахе, который, описывая свои школьные годы, называет себя wḥb, ḥw, ḥn, ḥwḥw одновременно (ÄZ 73, 79), причем заметим, что слово ḥwḥw как возрастной термин в среднеегипетском не употреблялось вовсе.

Предположение же, что при XIX династии термином nḏs jkr обозначали школьников (Bgun. Erz., 39), неверно.

Слово «молодость» по-среднеегипетски. До сих пор таковое не было известно, учитывалось только ḥnt «детство» (Wb. II, 312, 4—5) и ḥnw (Wb. II, 312, 2—3 = FCD, 138) с тем же значением. Мы же в состоянии указать на слово «молодость» не в смысле «незрелость», а в значении «расцвет сил». Это производное от слова nḏs «молодой человек», и именно nḏsw.

Оно засвидетельствовано в формуле, зарегистрированной пока только на трех саркофагах из Сйовта, причем все три относятся к ранней XII династии. Эта формула звучит: «Состарившийся во граде своем, сильный в молодости (молодечестве) своей (ḥntw m nḏsw.f)». Формула выписана подробно на саркофаге jtw-jb.j (ASA 23, 21, Côté 4, 2=И., 84) и с несколько меньшей на саркофагах другого jtw-jb.j (Assiout, 191=И., 85) и ḥnw (ASA 34, 52=И., 86), но собственно в последнем случае читателя может затруднить разве что слово j;w «состарившийся», которое первый и второй варианты ставят вне всяких сомнений.

Точно так же нет сомнений и в том, что перед нами абстрактное производное от nḏs «молодой человек»: 1) это слово не детерминируется знаком «мужчина»; его детерминатив — знак множества; 2) однажды слова nḏsw (ед. ч.) и nḏsw (мн. ч.)

оказались в одной и той же надписи (ASA 23, 21, Côté 4, 2; Côté 3, 9—10), и детерминатив «множество мужчин» выписан только во втором случае; 3) налицо вариант данной формулы, где вместо слова *nḏsw* (ед. ч.) употреблено *ḡ-ḡ-nḏs* «молодость», между тем как известно, что префикс *ḡ-ḡ* как раз употребляется для образования абстрактных существительных (Wb. II, 394—395 = Gr., 577). В этом случае, правда, элемент *nḏs* поврежден (ASA 23, 22 = И., 87), но сохранилось достаточно, чтобы сделать чтение бесспорным. Формула на этот раз принимает вид: «Любимый градом своим целым (= всем), сильный во младости [своей (?)]».

Итак, молодость-*nḏsw* — это молодость силы, что одно уже показывает, какой возраст имеют в виду. Более того, из надписей на саркофаге *jtj-jb.j* (ASA 23, 21—22) ясно, речь идет о боевой молодости, отданной защите родного города (ср. стр. 108). Формулу эту, стало быть, надо понимать в том смысле, что данный человек в молодости своей был защитником своего города и состарился в этом городе в почете.

Стало быть, молодость-*nḏsw* — это воинская молодость, оптимальный возраст для службы в армии.

В. Воины. Фокнер в своем словаре дает только два разобранных выше значения (FCD, 145); авторы «Словаря» приводят еще и третье — «воин» (Wb. II, 385, 9), но рассматривают его всего лишь как смысловой нюанс второго, «молодой человек», «молодец», стало быть, «воин». Разумеется, в целом они совершенно правы, однако третье значение слова заслуживает у лексикографов полного признания как особое значение слова *nḏs* «маленький человек».

Свидетельство *sn-nḏsw*. Всего лучше раскрывает это новое значение одна из надписей *jtj-ḡ: ḡw* (домоправитель, управляющий каким-либо отделением Дома царя) *sn-nḏsw* или *sn-nḏswj*, жившего в Нитенторе во время ираклеопольских династий. Описывая образцовое положение в Нитенторе как результат его мудрого правления, *jtj-ḡ: ḡw* сообщает, что в его время каждый человек занимался своим делом, делом своей профессии. Заслуга и в самом деле немалая, если только она действительно принадлежит ему, поскольку разного рода царские работы: строительство храмов, пирамид, ирригационные работы и пр. — требовали огромного числа рабочих рук, которых неоткуда было взять иначе, как оторвав на какое-то время людей от их обычных занятий. Вот что он пишет (И., 88): «... [земледельцы] жали, огородники выращивали овощи (букв. „лук“), садовники взращивали деревья (букв. „сикоморы“), тогда как *nḏs* был защищен для оружия (букв. „лук“, оружие) своего,

(вообще) каждый (букв. „человек всякий“) был защищен для занятий (букв. „работ“) своих. И сделал я это все, все по правде, а не (букв. „это не“) по словам (букв. „говорению“) по обычаю кладбищенскому» (Dend. P., X, Sen-nez-su = Dend. F., 154).

Конструкция фразы ясна: ряд констатаций, противопоставление им, вводимое *jw* (ср. Gr. §§ 117, 1; 323, конец; 468, 2), и обобщение, опять-таки вводимое *jw* ('a statement of outstanding interest', ср. Gr. § 117, 1). Люди различных профессий (в сохранившейся части надписи перечислены только сельскохозяйственные профессии) занимаются только своим делом, исполняют свои прямые обязанности, тогда как *nḏsw* «защищены» для своих прямых обязанностей, для службы в войске. Стало быть, для них военная служба — профессия. Так *sn-nḏsw* и пишет: «Всякий защищен для работ своих», *nḏsw* в том числе, и служба в войске для них — «работа», такая же, как для земледельца выращивание злаковых и льна, для огородника — овощей, а для садовника — плодов.

Собственно этот один вывод пока только нам и нужен, но скажем несколько слов о надписи вообще. Итак, каждый «защищен» для работы по своей профессии. В эпоху *sn-nḏsw* и ранее эта защита осуществлялась специальными указами царя и имела целью освобождение работников определенного хозяйства или региона (ср., например, указ Нефриркерэ) от «царских работ», разного рода повинностей, строительных и ирригационных работ и пр. (ср. Goed. Kgl. Dok., 244 и сл.). Следовательно, *sn-nḏsw* удалось каким-то образом добиться от царя иммунитета для своего города Нитенторе, в том числе и для составляющих городское войско *nḏsw*.

Обычно иммунитет обозначается сочетанием глаголов *ḥwj mkj* (ср. Wb. III, 244, 11; 245, 12; II, 160, 1, 21; FCD, 186, 119; Goed. Kgl. Dok., 246), но известны и сокращения: только *ḥwj* или только *mkj* (ср. Koptos, XII, 3, 2; Goed. Kgl. Dok., 246; An. II, 7, 1 = Sall. I, 6, 10, а также Ch. Kuentz, BIFAO 34, 163; A de Buck, JEA 23, 160, 1; J. Černý, BIFAO 41, 113; ср. коптское *mṯke* «отдыхать»: H. S. Smith, JEA 44, 122 = West. HWb., 89).

Наше восстановление «земледельцы», конечно, — всего лишь догадка, но догадка вероятная, поскольку древнейший достоверный пример этого слова (HP V, 12) ненамного моложе надписи *sn-nḏsw*. Сложнее обстоит дело с глаголом *s* «жать», имеющем, если верно восстановление Фишером знака «нож», два детерминатива. Второй — «мужчина со снопом», но без серпа — выглядит так, как если бы он изображал не жнеца, а дерга-

ющего лен (изображения у Klebs, 73, рис. 50; 75—76). Между тем, сбор урожая «земледельцами» как раз и складывался из жатвы злаковых и дергания льна (ср. Pahery, III), но имел ли в виду sn-nḡsw эти два действия или только одно, сказать пока трудно. Фишер считает, что речь идет только о жатве.

Глагол jḡj мы переводим в соответствии с замечанием Блэкмена (JEA 16, 69, 16), но ср. Dend. F., 155, с. К переводу слова «лук» как «овощи» вообще см. E. Dévaud, Rec. 38, 195.

«Обычай (собственно: должность) кладбищенский» — преувеличения и даже заведомая фантазия, которые допускаются в надписях, прославляющих дела умерших (ср. Dend. F., 145, i). Налицо ирония: «должности кладбищенские» в отличие от реально исполнявшихся.

Итак, слово nḡs употреблено в надписи sn-nḡsw как наиболее общее обозначение воинов, так сказать, специалистов.

К такому же выводу «nḡs-воин» пришли Ю. Я. Перепелкин (устное сообщение) и Фишер (Dend. F., 154—155). К сожалению, Фишер все-таки сохранил в переводе отрывка традиционную передачу «citizen».

Заканчивая рассмотрение положения дел в VI номе при sn-nḡsw, мы не можем не указать на антипод набросанной им картины — скульптурно-живописную композицию, увековечившую на стене гробницы перевозку колоссальной статуи номарха XV нома ḏḥwtj-ḥtpw (EB I, XII). Наш сановник (sn-nḡsw) не занимал воинов и людей труда («царских ḥmww») подобными работами, отрывавшими их от основных дел. Номарх, напротив, для перевозки статуи воспользовался воинами, жрецами, о которых sn-nḡsw нам ничего не говорит, и молодым населением нома, т. е. теми же людьми труда, конечно.

Свидетельство отца царя Микерэ. При Ираклеополитах столица Египта должна была находиться в Хнэсе (Ираклеополь). На этот счет мы располагаем не только свидетельством Манефона, но и определенным указанием современного ираклеопольским династиям источника — «Повести о красноречивом жителе оазиса» (ср.: J. von Beckerath, AZ 93, 13 и сл.). Позже, очевидно, при отце царя Микерэ, столица страны вновь была перенесена в традиционную столичную область (от Абу Роаша на севере до Дашура), в которой располагались временные, рассчитанные на одно царствование столицы, целью существования которых было возведение поблизости новой пирамиды. Во всяком случае, чтение стк. 99—103 ленинградской рукописи оставляет такое впечатление. То же, что сам царь Микерэ имел столицу в этой древней области, уже не предположение, а факт.

В самом деле, центром этой столичной области, согласно «Завещанию Микерэ», является город ḏḏw-jswt, т. е. город, разросшийся на месте столицы царя Атоте (VI династия) при его пирамиде ḏḏw-jswt-ttj в северном Саккара. Значение более южного поселения на месте столицы Пйопе I при его пирамиде mn-nḡ-mḡjw-g'w [собственно: mn(w)-nḡ(w)-mḡj(w)-g'w] в южном Саккара в то время еще никому не было ясно. Между тем нам известно, что пирамида царя Микерэ, до сих пор еще не обнаруженная, должна была находиться поблизости от пирамиды Атоте, поскольку известные нам представители штата пирамиды Микерэ состояли одновременно и при пирамиде Атоте (ср. В. 7796; Ny C. 1616 = TPC I, 187; II, 27 B; Saq. I, XI; прочие памятники служивших при пирамиде Микерэ, найденные вблизи пирамиды Атоте: TPC I, 202, 50, 51, 257; XIII; II, VI, 2).

На этот раз столица обрела постоянное место: город ḏḏw-jswt. Когда ираклеопольский режим пал и страна была объединена Ментхотпом I, столица фактически находилась на том же месте, как это показывают письма ḥk:nḥtw[ḥk:(j)-nḥtw] (см. NP I, vs 1). Джеймс, правда, пытался отрицать тождество города ḏḏw-jswt, упоминаемого в переписке, столичному ḏḏw-jswt (там же, 8—9, 132), но попытка оказалась неудачной⁴.

Описывая боевой потенциал области, отец царя Микерэ указывает, что он складывается, собственно, из двух частей: «mḡw в ней, способная владеть оружием» и «жрецы-уэбы (в двух списках сочинения — единственное число, очевидно, ошибочное), что от нутра (= что из) округа ḏḏw-jswt», причем обе силы как будто не имеют прямого отношения к военному делу. Между тем это не так. Слово mḡw, означающее «сторона» или подобное (в данном случае, конечно, в смысле «наша сторона»), охватывает всю совокупность вооруженных сил (ср. БТН, 136—140). Вторая сила выделяется специально только потому, что она принадлежит уже непосредственно столице. Качественного противопоставления здесь нет.

Поскольку в отрывке описывается столичная область, а не один город ḏḏw-jswt, следующую фразу «насчитывает она...» надо относить не к городу, как это обычно делалось (также БТН, 138—139), а к области в целом, и тем самым устраняется

⁴ Возможно, о фактическом переносе столицы в ḏḏw-jswt свидетельствует и рельеф из фиванской гробницы верховного сановника (ḏḏtj) dḡ при Ментхотпе I (5 Th. T., XXXVIII), изображающий «жреца-волхва главного», читающего сановнику список яств. Жрец-волхв носит имя ttj-m-z:f, чрезвычайно распространенное среди жителей ḏḏw-jswt/ḏḏw-jswt-ttj (ср. TPC I—II, pass.), но чуждое для Южной столицы (Фив). Похоже, что сановник изобразил в своей гробнице не какого-нибудь фиванского недоучку, а высококвалифицированного столичного жреца.

неправдоподобность перенаселенности города $\dot{d}d\dot{w}$ - $\dot{j}swt$ (о населенности египетских городов см. теперь: A. Badauy, JARCE, 6, 103 и сл.). «Насчитывает она 10 000 человек в виде $\dot{n}dsw$ $w'bw$, свободных от податей (букв. „без работы его“, т. е. без обязанности сдавать кому бы то ни было произведенную данным человеком работу; в тексте ед. ч.)».

Эти 10 000 человек и составляют всю военную силу, размещенную в столичной области. Тем самым определяется и значение слова $\dot{n}ds$ как «воин», собственно, конечно, «молодой человек, несущий военную службу».

Что же касается слова $w'bw$ (о нем см. теперь: H. Goedicke, JARCE 6, 94; WEE, 28, 109; VZA, 54; W. Helck, JESHO II, 1, 19), то его придется разбирать особо. Забегая вперед, укажем, что в истолковании этого слова, очевидно, прав был Кеес (Or. 17, 90), понимавший его как «жрец-уэб», тогда как наметившаяся не так давно тенденция рассматривать слово $w'bw$ как обозначение свободного покаяния на шатком основании.

Свидетельство $\dot{j}tw$ - $\dot{j}b.j$. О $\dot{n}dsw$ -воинах пишет и хозяин саркофага времен ранней XII династии из Сйовта. Он сам, хотя и не указывает своих титулов, явно был воином, ибо объявляет себя «надеждой ($\dot{m}hw$ - $\dot{j}b$) города своего в бою». К этой явно воинской самоаттестации примыкают и другие: «владыка мышцы» (ср. Pol. XI Dyp., §§ 73а, е), «сильный во младости ($\dot{n}dsw$) своей» (см. стр. 103) и, наконец, «любимый $\dot{n}dsw$ » (ASA 23, 21, Côté 3, 9—10), т. е. воинами.

Свидетельство $\dot{h}k$:- $\dot{j}b$. Надпись эфиопа $\dot{h}k$:- $\dot{j}b$ в его гробнице в Куббет эль-Хава (M. I, 152 = Urk. VII, 9—10), жившего в начале XII династии, интересна для нас в своей начальной части (И., 89), которую можно было понять как ряд последовательных заявлений: «Был я юнцом ($\dot{h}rdw$), был я $\dot{n}ds$...» (Urk. VII, 14). При таком понимании термин $\dot{n}ds$ оказывался возрастным и при этом служил обозначением возраста, следующего за $\dot{h}rdw$. Такое понимание едва ли не было всеобщим, но не так давно Гёдике выдвинул другое истолкование: $\dot{n}ds$ — «простая жизнь», «жизнь простолюдина» (JEA 48, 32, прим. 6), и, очевидно, это правильное в основе решение, хотя слово $\dot{n}ds$ в данном случае должно иметь другое значение.

И в самом деле, начало надписи состоит из трех фраз, причем каждая составлена из пары предложений, из которых первое является описанием какого-то действия или состояния, а второе — их характеристикой: «Когда я был юношей ($\dot{h}rdw$), я был $\dot{n}ds$, когда я развлекался, я веселился (вовсю), когда я проводил миг прекрасный с женщинами, я соединялся с ними...» (Urk. VII, 9, 14—16). Он, стало быть, ничего не делал наполовину, но

жил полной, яркой жизнью, целиком отдаваясь тому, чем он занимался, весельем ли, женщинами ли. И юностью своей он насладился полностью — он был $\dot{n}ds$, т. е. «молодцом», «воином».

Если учесть, что этот $\dot{h}k$:- $\dot{j}b$, не указавший своих титулов, был эфиопом (его изображение окрашено в черный цвет), которые использовались на службе в египетском войске, это замечание станет особенно уместным.

Заметим, что наш $\dot{n}ds$ — чужеземного происхождения. Ср. В. 24032 (= Kush IX, X, хозяин этой стелы, очевидно египтянин, был начальником воинов-эфиопов).

Свидетельство сына номарха k :- $\dot{j}j$. О $\dot{n}dsw$ -воинах пишет и сын номарха XV нома $\dot{h}rj$ I (ср. стр. 80) по имени k :- $\dot{j}j$ (Natn., 24,6 = И., 90): «Набрал я поколение (/молодежь) его (столичного города нома как олицетворение всего нома) юношеское ($\dot{h}rdw$) для того, чтобы умножить растущих его (= под надежной защитой армии должно умножиться население нома, увеличиться число юного поколения), тогда как поколение, сделанное (прежде) воинами ($\dot{n}dsw$), сидело в домах своих; не совершали они похода (= не воевали) во время страха Дома царя [= перед Домом царя (?)]».

Этот по-разному истолковываемый отрывок теперь, когда значение $\dot{n}ds$ -воин установлено окончательно, как будто можно понять совершенно однозначно. Сын номарха печется об увеличении населения нома, опустошенного усобицей [(ср. стк. 1: «Поставивший его (город и ном) на путь заселения ($\dot{g}rg$)»]. Главная мера в этом направлении — создание военной защиты нома, войска, которое набирается из подростков и юношей ($\dot{h}rdww$). Что же касается прежнего войска, «поколения, сделанного воинами (прежде)», то оно дискредитировало себя: в опасные дни «страха Дома царя», когда ному угрожал враг (о событиях см.: R. O. Faulkner, JEA 30, 61—63; SFSt., 84 и сл.), это войско по тем или иным причинам не воевало. Как мы знаем из надписи Natn. 16, в эти дни номарх должен был отсиживаться в приречных заводях вместе лишь с личной охраной ($\dot{s}msww$).

Итак, юнцов и юношей (египтяне любили молодое войско) «набирали» ($\dot{t}zj$) и «вводили» ($s'k$) в ряды $\dot{n}dsw$ -воинов. Этот второй глагол как обозначение набора в войско и на работы пока ускользал от внимания лексикографов. Помимо данной надписи он встречается еще в форме существительного $s'kjj$ (субстантивированное причастие $s'kw/s'kj$) «взятый в войско/на работы», «новобранец». Ср. ЗМЭ, 58—59: «Смотри, города полны подкреплением новым; вот уже 20 лет, как молодые поколения наслаждаются, следуя своему сердцу, один возраст (ср. стр. 71)

очевидно, дворцовых; боев двуединого египетского государства) jbw, человек мирных занятий.

5. «Это я — ~» (NeD 62). Хозяин стелы — h:tj-' (номарх) sdj(w)-jtw.f.

6. «Это я — ~» (NeD 69). Номарх [jrj-p'it h:tj-' sd:wtj bjtj smr w'tj hrj-hb(wt)]tj.

7. «Это я — ~, отличный изречениями в совете (города) Тина» (PUM). Хозяин — номарх nfr-sfhj. Он превзошел всех в Тине своим богатством.

I. Б. Случай: nḡs jkr 'nhw m jst.f «живущий от имущества своего» (в переводе дается тильдой).

1. «Это я — ~, пашущий упряжками своими, плавающий на судах своих, причем это не из полученного (букв. „найденного“) мной от отца моего» (NeD 84). Хозяин стелы — номарх wh:.

2. «Это я — ~» (СМ 1583). Случай nḡs (jkr). Хозяин стелы — как будто придворный («друг», любимый владыкой своим), носящий титул служителя — sd:wtj, вероятно дворцового, по имени sbk-htpw. Человек, несомненно, мирных занятий.

I. В. Случай: nḡs jkr nj r:-(')-ht [воин отличный в бою (букв. «боя»)].

1. «Это я сильнейший (w' nḡtw, к конструкции см. Gr., § 97; JARCE 7, 24) страны этой ...» (Louvge C 1). Хозяин стелы — военачальник Эсмонт, единственный nḡs jkr при XII династии. В царствование Аменемхэ I вместо этого устаревшего уже выражения употребляли выражение nḡs kn, а при Сенвосре I подобные самоаттестации и вовсе выходят из употребления.

На новой стеле этого военачальника (В. Charl. 301 = MDAIK 25, 121—131; к атрибуции — БТН, 316, Т., ССХСV) изображен его слуга, несущий за ним его лук.

2. «Это я — ~, друг челяди (h:dt, ср. БТН, 142) своей» (NeD 78). Хозяин — номарх jndj.

I. Г. Случай: nḡs jkr h:t nhn ... [воин отличный, первый (букв. «перед») (области) nhn (= III ном)].

1. «Это я — ~ ...» (Mo'alla, 270). Хозяин гробницы — номарх sbk-htpw. К выражению h:t nhn см. там же, 16—17.

I. Д. Случай: nḡ[s] jkr zbjw m ht p j:w (nḡs jkr, достигший в мире старости; букв. «отправившийся в мире к старости»).

1. «Это я — ~» (СМ 1598). Хозяин стелы — некто jmrjj. Надпись сильно разрушена. Возможно, какие-то еще слова стояли между nḡs и jkr и формула имела, следовательно, иную редакцию.

I. Е. Случай: nḡs jkr tp t: (nḡs jkr на земле).

1. «Это я — ~, это я — дух (ḥ) отличный на кладбище» (Dend. P., II A = Dend. F., 87), т. е. этот человек и жизнь

прожил молодечески и в ином мире он отличается благостной природой. Хозяин гробницы — номарх mḡj.

2. «Это я — ~» (Dend. D. 2453; не изд., ср. Dend. F., 87, 394).

3. «Это я — ~, дух, отличный на кладбище» (Misc. Greg., 455). Хозяин стелы hgrw zh («правитель мясной палатки», хранитель мясных продуктов) nj-pbw-šm'w. Человек, стало быть, совершенно мирный.

4. «Это я — ~, дух отличный на [кладбище]» (Misc. Greg., 461). Стела военачальника t:wtj.

5. «Это я — любимый отцом своим и матерью своей, ~» (NeD 81). Хозяин стелы — номарх smh.

Ср. письмо к умершему (P. Louvge E 6134 = JEA 20, 158): «Это ты — отличный на земле, это ты — благостный на кладбище».

I. Ж. Случай: nḡs jkr ḡdw m r:f jrjw m hps.f (nḡs jkr, говорящий устами своими, действующий мышцей своей, т. е. свободно говорящий и действующий).

1. «Это я — ~» (Br. M. 1671 = JEA 16, XXIX). Некто hḡz-jb, человек, обладающий известным весом в округе нынешнего Гебелейна и несомненным богатством.

II. А. Случай: nḡs kn nj mḡwt (nḡs доблестный, любимец).

1. «~, владыка доброй славы (= репутации, ḡd), сильный (= большой) мышцей ...» (Hatn. 17, 9). Сын номарха ḡhwtj-nḡtw.

II. Б. Случай: nḡs (kn) nj ḡwj n ḡr [воин (доблестный), рукопашной схватки].

1. «Это я — ~, первый в войске (букв. „перед войска“) в день опасности» (В. 22820). Хозяин стелы — военачальник k:jj, живший при Сенвосре I. Это позднейший образец интересующих нас самоаттестаций. При Сенвосре I они выходят из употребления.

II. В. Случай: nḡs kn nj ḡd n ḡr (то же значение, что и в случае Б).

Г. «~ (в) рядах царя в день боя» (Hatn. 26, 5). Сын номарха ḡhwtj-nḡtw. Фокнер (JEA 30, 63, 5) полагал, что он сражался с «рядами царя», т. е. боевыми порядками царской армии. Это едва ли возможно.

II. Г. Случай: nḡs kn nj gb:w.f (nḡs «доблестный рукою своею»).

1. «Есть жрец-волхв старший (богини) b:st(t) государь, владыка наш (ср. Koptos, XII, 3,4), nfrtj — имя его, это nḡs — доблестный рукою своею, писец, отличный перстами своими, богач — у которого больше вещей (ср. Urk. I, 266, 7), чем у ровни его всякого» (ПН, 9—11). Налицо аттестация ума и харак-

тера человека, которого рекомендуют царю в качестве рассказчика интересных историй. Он богаче равных ему по положению, стало быть, он умнее их всех. Он — *ngs*, «доблестный рукою своею», следовательно, он — человек действия, самостоятельный, с характером, т. е. такой, которому действительно есть что сказать царю Египта и который в состоянии это сказать. К интерпретации этого места см. теперь также Ph. Derchain, GM 3, и сл.; W. Westendorf, GM 4, 41 и сл.

II. Д. Случай: *ngs kn n mjtj.f* (*ngs* «доблестный, равного которому нет»).

1. «~, владыка мышцы, большой любовью (= любовь к которому велика)» (Natn. 16, 2—3).

Сын номарха *kjj*.

2. «~, владыка доброй славы (= репутации, *kd*), сильный мышцей» (Natn. 23, 3). Сын номарха *qhwtj-nhtw*.

II. Е. Случай: *ngs kn...*

1. ~ (Natn. 38). Хозяин неизвестен.

II. Ж. Случай: *ngs kn nj hn d:m*.

Этот случай заслуживает специального разбора, так как неверный перевод приводит к неверному истолкованию всей формулы. Ключевое слово фразы, *hn*, в ханубских граффити постоянно пишется с определителем одежды, который привел к заключению, что слово означает «шатер» или подобное, а в связи с «молодежью» позволил истолковывать его в смысле «казарма» (Natn., 90; SMHT, 61, e), «лагерь» (R. O. Faulkner, JEA 30, 62; FCD, 201; Blum., Unt., 58, A 34). Подобные самоаттестации, таким образом, казались воинскими званиями, и Антес даже различал *ngs nj hn d:m* и *ngs kn nj hn d:m* как чины различного ранга (Natn., 37; ср. также JEA 39, 40; Wb. III, 368, 5—6).

Ошибочность такого заключения, впрочем, очевидна. Опушение эпитета при слове *ngs* в подобных самоаттестациях встречается крайне редко и не может не быть случайным.

Смысл фразы действительно скрыт в слове *hn*. И конечно же, оно не значит ни «шатер», ни тем более «казарма», «лагерь», поскольку нигде никаким образом эти значения не проявляются. Но детерминация слова знаком «одежда» не позволяет как будто истолковать его иначе.

Однако нетрудно убедиться в том, что этот детерминатив в эпоху I переходного периода мог занимать место знака «дом», обычного при слове *hn(w)* «нутро», «середина» и подобные.

Так, в надписи *bbj II* из Нитенторе говорится: «Сделал я ладью наозерную (*hgt š*, для плавания по озеру) в течение одного года» (Dend. P., VII A, Веба II, И., 91). Правда, год для постройки ладьи — долгий срок {очевидно, постройка

ладьи — только один пункт в описании событий года; надпись ведь разрушена, но иначе понять слова *bbj* невозможно (ср. Mél. Masp. I, 2, 426, стк. 10). Шенкель переводит: «Сделал я ладью, плавающую по озеру, в „шатре года“ (?)» (SMHT, 134), но что такое «шатер года», который Шенкель сам снабжает двумя вопросительными знаками?

В надписи «казначей» царской (видимо) наложницы «украшения царского единственного» *jkw*, по имени *hprw*, есть такая фраза: «Это я — пес, спящий внутри (*m-hpw*), борзая при постели (букв. „борзая постели“)» (SM 20506). Он, стало быть, комнатная собака, и это вполне соответствует его положению домашнего слуги. Выражение *m-hpw*, несомненно, означает «внутри», «в помещении» и не имеет никакого отношения к «шатру», «палатке» и подобному. Обе фразы можно было бы даже соединить: «пес, спящий среди борзых при постели», но показатель мн. ч. не выписан при слове *hprw* «борзая» и последующий показатель генитива стоит в ед. ч. Конечно, такое написание ед. вместо мн. ч. в принципе возможно, но на нем, разумеется, нельзя настаивать, тем более что и так фраза получает прекрасный смысл: слуга фаворитки — ее комнатная собачка, ее пес, постоянно лежащий под ложем хозяйки.

Наконец, в «Поучении *kj-j-gmjw.n.j*» мы встречаем выражение *wnw hn(w) n grw* (Pr. I, 1 = JEA 32, XIV = И., 92), которое, что бы оно ни значило, обнаружено теперь в «Радостях охоты и рыбной ловли»: *wn.t(w) hn(w) n wh'w* (CLF, 6, 3, 15 = И., 93), причем в первом случае (рукопись Среднего царства) его детерминирует знак «одежда», во втором (рукопись Нового царства) — «дом».

Заметим, что в обоих случаях речь идет, конечно же, не о «палатке». Так, в «Поучении» интересующая нас фраза оказывается в серии утверждений, доказывающих, что тихие и скромные как раз в жизни и преуспевают: «Невредим боязливый, хвалим умеренный ~, просторно место удовлетворенного». Наша фраза, обозначенная в переводе тильдой, конечно же, означает: «Открыта внутренность (очевидно, любого дома) для молчаливого (в „Радостях охоты“ — „для ловца“, „рыбака“)», т. е. такой всюду встречает радушный прием, его везде пускают в дом (ср. CLF, 20).

Не «палатка», «шатер» означает слово *hn(w)* и в выражении *hn(w) (nj) jtw.f/j*, *hn(w)* «отца его/моего», засвидетельствованное на стеле В. 24032 и в граффито Natn. 16, 2. В надписи на берлинской стеле хозяин стелы заключает описание своего богатства словами: «Я сделал это (еще) в *hn(w)* отца моего, *jtj*. Это мать моя *jbb* сделала мне это». Эти слова можно понять

таким образом, что хозяин стелы сделал все это, еще находясь в доме отца, т. е. еще пребывая во младенчестве, детстве. Однако при таком толковании было бы неясно, зачем надо подчеркивать, что ребенок находился не просто в доме родителей, а внутри дома. Придется поэтому понять написанное буквально, а именно: богатство было приобретено им, когда он еще не был рожден. Обычная египетская гипербола в таких случаях говорит о пребывании «в яйце», разумея под этим соколенка Хора, еще не вылупившегося из яйца (Grafow, Bild. Ausdr., 86). Здесь же гипербола заходит еще дальше: ребенок не только еще не родился, но даже и не был еще зачат и находится в семени отца еще внутри отцовского тела. Таким образом, имущество приобреталось матерью для будущего ребенка.

Похоже, что в этой надписи мы получаем наконец указание на существование практики разделения имущества супругов. Хозяин берлинской стелы унаследовал именно материнскую часть. Отцовская могла достаться брату или вообще братьям и сестрам, поэтому о ней речи нет. Что же касается материнской, то автор надписи представляет дело так, что, еще не существуя, он уже приобрел это имущество через посредство своей матери.

Точно так же и номарх $\text{nhg} \text{I}$, утверждая, что он был известен царю, еще находясь $\text{m} \text{hn}(\text{w}) \text{jt} \text{w.f}$, разумел под этим, что уже был знаменит не только до своего рождения, но и до зачатия даже, пока он находился в виде семени в теле своего отца. И это можно понять. Царь вынужден был считаться с наличием или отсутствием наследников у столь высокопоставленных лиц, как номархи. Об этом говорили, их ждали.

Таким образом, и искомое выражение $\text{nds} \text{kn} \text{nj} \text{hn}(\text{w}) \text{d} \text{m}$ следует понимать как «воин доблестный, что от нутра/среди молодежи», т. е. «воин доблестный из среды молодежи». Конструкция с $\text{nj} \text{hn} \text{w}$ «что от нутра/среды» довольно распространена в среднеегипетском, как в ранних, так и в поздних памятниках, написанных на этом языке. Ср. «города его и области его, что от нутра нома Саблерогой антилопы» (ВН II, XXIV); дары $\text{njw} \text{hnw} \text{t} \text{:w} \text{y}$ «что от нутра Обеих земель» (Urk. IV, 1543); враги $\text{njw} \text{hnw} \text{t} \text{:} \text{pn}$ «что от нутра Земли этой (= Египта)» (Caminos, Osorkon, 30 и сл., § 44 и сл.).

Интересующее нас выражение, следовательно, не является ни воинским чином, ни званием, ни рангом. Это всего лишь хвалебная самоаттестация, не больше. Рассмотрим этот случай (в примерах это выражение заменяем тильдой).

1. ~ (Abyd. I, 57). Фрагментарная надпись. Сохранились только слова $\text{nds} \text{kn} \text{nj} \text{hn} \dots$ Хозяин стелы царевич $\text{nh} \text{tw}$, сын царя $\text{nbw} \text{-hr} \text{g} \text{-r} \text{'w}$ (ср. WRF, 108 и сл.), правившего во вто-

рую половину II переходного периода (Beck. Unt., 280—283). С этого царствования мы отмечаем возрождение моды на $\text{nds} \text{w}$.

2. «Изначальное поколение ($\text{kr} \text{ht}$, собственно, посуда, первая партия гончарных изделий; людей, по египетским представлениям, творит Хнум, вылепливая на гончарном круге), оставшееся во (всей) Земле этой (= Египте), когда люди все стали отбросами, ~, прихода которого ожидают повсюду (т. е. почти-точно ждут, когда он придет, как подчиненные ждут начальника)...» (Hatn. 20, 2—3). Слова номарха $\text{nh} \text{g} \text{I}$.

3. «~ , прихода которого ожидают повсюду...» (Hatn. 25, 5). Он же.

4. «Это я — ~ , известный этим номархам» (Hatn. 27, 2). Слова принадлежат жрецу-уэбу бога Тховта $\text{hnmw} \text{-h} \text{tpw}$. Это случай nds (kn). Антес полагал, что опущение эпитета связано с невысоким положением автора этой надписи, бывшего рангом (и не одним) ниже номарха и его сыновей, называвших себя $\text{nds} \text{w} \text{knw}$ (Hatn., 37, 90). Мы убедились в том, что это мнение ошибочно.

5. «Это я — ... ~ » (Hatn. 43, 4).

Автор надписи неизвестен.

Значение слова nds в самоаттестациях. Итак, сами себя называют $\text{nds} \text{w}$ люди в следующих рангах и званиях:

1. $\text{jm} \text{j-r} \text{:} \text{ms} \text{'w}$ (военачальник) (Louvre C 1; Misc. Greg., 461; ср. В. 22820)
2. $\text{jm} \text{j-r} \text{:} \text{pww} \text{h} \text{:swt}$ (начальник охотников нагорий; пограничная охрана) (В. 22820)
3. $\text{jm} \text{j-r} \text{:} \text{hwtj} \text{-nmtj}$ (начальник Обеих боен) (NeD 42 = Lutz 38).
4. $\text{jm} \text{j-r} \text{:} \text{zftww}$ (начальник резников) (Crasow)
5. $\text{w} \text{'bw} \text{nj} \text{d} \text{hwtj}$ (жрец-уэб бога Тховта) (Hatn. 27)
6. $\text{h} \text{:tj} \text{'hrj} \text{-tp} \text{'}$; (номарх) (NeD 62, 69, 78, 84, 81; PUM; Mo'alla 270; Dend. P., II A = Dend. F., 87; Misc. Greg., 461; Hatn. 20, 2—3; 25, 5)
7. $\text{hr} \text{pw} \text{zh}$ [правитель (мясной) палатки; ведающий мясными продуктами в $\text{sn} \text{'w}$] (Misc. Greg., 455)
8. $\text{hrj} \text{-hbwt} \text{'} \text{:} \text{nj} \text{b} \text{:st} \text{(t)}$ (жрец-волхв старший богини Убасте) (ПН, 9—10)
9. $\text{z} \text{:n} \text{jswt}$ (царевич) (Abyd. I, 57)
10. $\text{z} \text{:h} \text{:tj} \text{'}$ (сын номарха) (Hatn. 16, 2—3; 17, 9; 23, 3; 26, 5)
11. $\text{sd} \text{:wtj}$ (слуга-казначей; в данном случае, очевидно, дворцовый) (СМ 1583)
12. $\text{sd} \text{:wtj} \text{nr} \text{g}$ (казначей бога; ср. BIFAO 51, 137 и сл.) (СМ 20001)

Из этого списка ясно, что значение слова nds «маленький» в плане социальном здесь исключено. И дело не в том как

раз, что *pdsw* себя охотно называют царевич, номархи, дети номархов, военачальники, но прежде всего в том, что никаких прострлюдинов или даже представителей средних слоев наши материалы не зарегистрировали. В нашем списке, правда, есть служители, но дворцовые, есть жрецы, но только один (жрец-уэб) из них принадлежит к низшему, первому разряду жрецов. В общем, никакого ядра *pdsw*, так сказать, *pdsw* по преимуществу, задающих тон, в предполагаемом слове *pdsw*, не наблюдаем, и если уж говорить о подражании, то, несомненно, низшие должны были подражать высшим в наименовании себя *pdsw*.

Не подлежит никакому сомнению, что слово *pd* в сочетании *pd* *jk*/*kn* означает «маленький» по возрасту и не несет в себе никакой социальной характеристики, почему люди, столь разные по общественному положению, и могут называть себя *pdsw*.

Вместе с тем очевидно, что данное значение также не может быть представлено в чистом виде, ибо подобные самоаттестации никак не могут относиться только к молодости, молодому возрасту. Остается прибегнуть к значению, развившемуся из этого исходного: «молодец», «воин». В ряде случаев перевод «воин» подходит великолепно: «воин отличный/доблестный в рукопашной схватке» (например, В. 22820; Hatn. 26,5) или «воин отличный в бою» (NeD 78; Louvre C 1, ср. ASA 23, 21). Вообще, этот перевод уместен повсюду, где *pd* называет себя номарх или его дети, так как в бурную пору раннего Среднего царства номархам и их детям постоянно приходилось сражаться, отражать натиск врагов и т. п.

Однако есть случаи, когда слово *pd* оказывается в «мирном» контексте, а этим словом называют себя представители самых невоинственных профессий. Чего стоит, например, случай «живущий от имущества своего» (СМ 1583; NeD 84). Подобные случаи, казалось бы, свидетельствуют в пользу более общего (менее определенно военного) перевода «молодец», который одинаково хорошо подойдет ко всем учтенным нами выражениям и устроит всех, кто называл себя *pd* (*jk*/*kn*).

Прежде чем сделать такой вывод, необходимо учесть как общий смысл определенно невоинственных самоаттестаций, так и специфику периода, в который если не война в прямом смысле слова, то, во всяком случае, применение оружия, вооруженные действия были явлением повседневным. Недаром в эту эпоху даже на надгробиях люди самых мирных профессий изображали себя с оружием в руках.

Так, например, *jmj-r: rgw sn'w* (начальник дома *sn'w*, т. е. пекарни, пивоварни, кухни) *sm:j* изобразил себя с луком и стрелами (СМ 20501 = FICN 41). А другой такой же начальник

hr: помимо лука и стрел поместил изображение еще и трех псов (СМ 20510 = FICN 37).

Иной может подумать, что изображенные — охотники, однако охота всегда была большим удовольствием для египтян, не только в бурные, но и в относительно спокойные периоды их тысячелетней истории, но лишь в I переходный период появляется (и с этим периодом исчезает) мода на изображение умершего с оружием.

Без указания профессий такие изображения встречаются: Strassb. 344 = FICN 16; Tor., Suppl. 1278 = FICN 31; СМ 20511 = FICN 36; UCL 14318 = FICN 40 (с собаками).

Двое указали только придворный титул *smr w'tj* (друг единственного), за которым может крыться что угодно: Fig. В. 15 = FICN 27; СМ 20355 = FICN 38 (оба с собаками).

Изображение же вооруженных детей номархов едва ли заслуживает упоминания. Ср., однако, Roma 3.

Но если мирные люди того времени должны были сплошь и рядом братья за оружие, они и себя могли называть «воинами», независимо от того, была ли война их профессией или нет.

Точно так же и самоаттестации мирного характера (типа «живущий имуществом своим»), очевидно, нужно понять в том смысле, что хороший боец максимально независим. Он не нуждается в каких бы то ни было подачках, ибо у него свое имущество, вероятно, в значительной мере, военной добыча, он действует как хочет и говорит что хочет, привыкнув полагаться на свою силу, на свое искусство. Такой и живет иначе, чем его невоинственные сограждане. Поэтому появляются утверждения, что умерший прожил жизнь не как простой человек, но как *pd*, т. е. герой, воин, и в ином мире он не просто «мертвец» (*mwtw*), но *hw* «светлый дух», «которым становятся только те, кто был должным образом, по всем правилам, погребен», т. е. прежде всего люди обеспеченные.

Выражение *pd* *kn nj hn(w) dm* «воин доблестный из воинской молодежи» является, конечно, своеобразным суперлативом (добавить к Lef. Gr. § 172). Это молодец из молодцов, из воинов воин.

Прочие образцы слова. Установив три значения слова *pd* «маленький человек» и рассмотрев эти значения на большинстве из находящихся в нашем распоряжении текстов, мы оставили пока без внимания те (их меньшинство), которые сами по себе не проливали света на смысловое содержание интересующего нас слова, но могут быть поняты лишь в сравнении с более красноречивыми или более определенными. К их рассмотрению мы теперь и переходим, помня о том, что в одном и том же

сочинении слово *nds* может выступать в разных значениях, особенно часто в значениях «воин» и «простолудин» (Louvge C 1, CM 20503, ЗМЭ, 61—62, 101).

Сказки папируса Весткар. Слово встречается во второй (P. Westc. II, 4—5, 25; III, 2, 10, 11, 14, 16, 21, 22; IV, 2) и четвертой (VI, 26; VII, 2) историях.

В первом случае так называется человек, пленивший жену приближенного царя III династии Небко, несомненно человек молодой. Слово *nds*, стало быть, в этой истории чисто возрастной термин.

В другой сказке, однако, должно быть, другое значение. Во времена Шуфе (Хеопс) в городе Тат-Санфоре (совр. Меидум) (*ḏd-snfrw* или *ḏdw-snfrw*) жил удивительный человек. Оказался он в этом городе не случайно. Когда-то город был столицей Египта, вбиравшей в себя все лучшее, чем располагала страна (ср.: V. Magagioglio и С. А. Rinaldi, Op. 40, 67—74); но шли годы, по обычаям времени Старого царства меняли место столицы Египта, а герой этой истории, хотя и человек исключительных способностей, отличался склонностью к *dolce far niente* и оставался на прежнем месте, так что о нем в конце концов позабыли, пока через много десятилетий, уже в новое царствование, его не обнаружил известный ученый, царевич *ḏd.f-ḥrw*. Согласно автору этой сказки, город Тат-Санфоре должен быть наиболее ранней столицей страны при Санфоре, а ступенчатая пирамида, строительством которой руководили из этой столицы, должна была быть первой из трех пирамид, воздвигнутых этим царем. Второй попыткой, очевидно, была ломаная пирамида в *ḥ'j-snfrw* (или *ḥ'jw-snfrw*) южном, а третьей — правильная пирамида в *ḥ'j-snfrw* северном (совр. Дашур).

Ко времени, когда Шуфе стал строить гигантскую пирамиду в *ḥt* (или *ḥtj*)-*ḥwj.f-wj*, удивительному герою сказки было уже 110 лет⁵. О нем говорят: «Есть *nds*, имя которого *ddj* (<*ddj*), живет он в Тат-Санфоре, правый голосом, будучи *nds* 110 лет и поедая хлебов 500, бедро быка в качестве мяса (= в виде мясной пищи) и выпивая пива кружек 100 вплоть до сего дня» (P. Westc. VI, 26—VII, 1—4).

⁵ События, описываемые в папирусе, относятся, очевидно, к раннему царствованию Шуфе, и, следовательно, *ddj* должен был быть очень старым человеком даже ко времени основания Тат-Санфоре в начале царствования Санфоре, правившего всего 24 года (Туринский папирус III, 9). Шуфе мог бы спросить *ddj*, действительно ли имели место истории о царях Тосоре, Небко и Санфоре, рассказанные ему его сыновьями, так как этот должитель был современником всех этих царей.

Значение «молодой человек», разумеется, исключается; 110 лет рассматривались египтянами как идеальный возраст для кончины (ср.: J. A. A. Janssen, Ex Or. Lux 14, 71; Verg. Joseph, 200—201). Традиционное истолкование «простолудин» сюда, напротив, подходит в особенности, если учесть, что характеризовал героя царевич, с точки зрения которого чуть ли не любой египтянин — «маленький» (ср. стр. 89). И все же едва ли это истолкование правильно. В самом деле, цель царевича — показать, какой замечательный человек жил во время Шуфе. Ему 110 лет, но это настоящий богатырь, съедающий ежедневно 500 хлебов, бедро быка и выпивающий 100 кружек пива. Очевидно, слово *nds* и имеет в данном случае значение «богатырь» или подобное, являющееся не более как нюансом исходного «воин». Мы видели выше, что в эпоху смут военным делом приходилось заниматься и людям мирных профессий и самое слово «воин» означало не только воинов-профессионалов, но и людей, способных сражаться, достигших определенной формы физического развития и сохраняющих ее.

О I переходном периоде как о времени возникновения Сказок папируса Весткар см. теперь: K. Pflüger, JAOS 67, 31.

Слово *nds* в перечнях. В двух гробницах в Сйовте, одной от царствования предшественника царя Микерэ, а другой от правления Сенвосре I, в традиционных обращениях к живым с просьбой помянуть или угрозой не портить памятники, обращениях, начинающих с перечней всех возможных посетителей гробниц, упоминаются *nds*w.

В первом случае это «глава (*ḥrj-tp*) всякий, сын мужа всякий, сановник (*s:ḥ*) всякий, *nds* всякий» (*Siût III*, 62—63 = *Siût III*, Ed., 18), т. е. люди знатные, несомненно, *'w/wgww* «большие»/«великие» и «маленькие». В этом же значении в этой гробнице употребляется слово *nds* и в стк. 11 и 12.

К сожалению, другая редакция обращения (стк. 58—59 = *Siût III*, Ed., 19) предельно сокращена, между тем как именно в этой редакции в гробнице номарха *ḏf:j-ḥ'pj* упоминаются *nds*w: «Люди всякие, писец всякий, ученый всякий, *nds* всякий, убогий (*tw;w*, ср. стр. 64) всякий» (*Siût I*, 223, 225; копия — в гробнице № 39 в Фивах: PM I, 1, 72, 7, II и на статуе: R. A. Caminos, DB I, 56). Значение здесь должно быть то же, поскольку *nds* ставится в ряд с *tw;w* (совсем как в Вг. М. 581), стало быть, ученые, чиновники, так сказать, «большие», и «маленькие» и *tw;ww*.

О *nds*w в других надписях из той же гробницы см. ниже. Слово *nds* в «договорах *ḏf:j-ḥ'pj*». В договорах, заключенных номархом *ḏf:j-ḥ'pj* со жрецами храмов богов Упоа

и Анупа, определяется вид услуг, ожидаемых от жрецов в порядке гробничного культа, и вид оплаты, предложенной жрецам и принятой ими. Как известно, оплата производится из двух разных имуществ, составляющих «собственность» (rgw dt) номарха: должностного «дом князя (номарха)», и унаследованного от отца, «дом отца». Мы показали ранее, что должность номарха и обеспечивающее ее имущество сами находились в собственности df:j-h'pj (с нашей точки зрения — во владении номарха, но эта точка зрения чужда египтянам), но собственности, ограниченной одним условием — неотчуждаемостью имущества, обеспечивающего должность.

Таким образом, жрецам приходилось учитывать, откуда поступала плата за их услуги. Если из «дома отца», то распоряжения df:j-h'pj носили категорический, окончательный характер. Что же касается должностного имущества, то следует иметь в виду, что должностной фонд неотчуждаем (узуфрукт) и, следовательно, поступление доходов от этого фонда в любой момент могло быть приостановлено по договорам df:j-h'pj. Для поступления платежей из «дома князя» необходимо в дальнейшем согласие преемников df:j-h'pj по должности. Этот номарх только начал выдавать жрецам необходимые платежи, которые его преемники вольны были прекратить или продолжать. Нормы египетской морали, однако, позволяли надеяться, что действие подобных договоров не будет приостановлено по крайней мере в течение многих десятилетий и даже, может быть, нескольких столетий, так что заключение договоров под такое обеспечение отнюдь не представлялось делом безнадежным. Все-таки его стоило подкрепить ссылкой на то, что подобная практика имеет место в повседневной действительности, что есть определенный шаблон, usus, так сказать, исключающий всякие неприятные неожиданности.

Номарху только два раза пришлось прибегнуть к обеспечению целиком от «дома князя», в договорах №№ 2 и 8, и текст этих договоров резко отличается двумя только что отмеченными особенностями: в договоре указывается, что он (номарх) только «начинает приказывать» своим земледельцам отдавать один четверик (размер платежа указан точно лишь в договоре № 2) зерна с каждого участка, тогда как преемники его в должности не будут препятствовать регулярному поступлению платежей. Кажется, эта особенность договоров №№ 2 и 8 не была до сих пор понята (ср. JEA 5, 96—97).

Далее, в договорах делается ссылка на тех, кто постоянно прибегает к той же практике, т. е. к практике оплаты культа в гробницах храмовым жрецам, не из личного имущества, а из

имущества должностного. Оказывается, это прежде всего pdsw или, чтобы быть совершенно точным, pdsw и sjrgww (чиновники).

И совершенно понятно, почему pdsw отдается преимущество перед чиновниками. Они, кто бы они ни были в данном случае, должны были быть беднее чиновников, и им чаще приходилось прибегать к помощи своего должностного имущества (ср. стр. 130).

Но в таком случае практически решается вопрос о том, кем были эти pdsw, обладавшие определенным должностным имуществом. Ими могли быть только воины. При этом сразу же выясняется и характер должностного имущества, даваемого им за несение службы. Это, оказывается, земля, от урожая которой они могут выделить часть для обеспечения собственного заупокойного культа (ср. стр. 92).

Следовательно, слово pds в стк. 223 и 225 этой гробницы употреблено в одном значении («простолюдин»), а в договорах №№ 2 и 8 — в другом («воин»), как и в Louvre C 1; CM 20503; ЗМЭ, 61—62 и 101.

Свидетельство «Поучения Аменемхэ I». Аменемхэ I, как будто, также имеет в виду pdsw-воинов, хотя перевод текста такой сложности, к тому же дошедшего до нас только в поздних списках (самый ранний, P. Mill., был недавно опубликован по копии с утраченного оригинала: J. Lopez, RdÉg. 15, 29—33, IV—VIII; до этого довольствовались только транскрипцией), не дает, конечно, абсолютной уверенности. Все же фразы, подводящие к той, что содержит слово pdsw, все так или иначе связаны с войной (P. Mill., II, 8—9).

pdsw в «Поэме Эпвера». Многократно упоминаются в «Поэме Эпвера»: Adm., 2, 9; 5, 13—14; 9, 12, 14 — 10, 1; 13; 4; 14, 5. К сожалению, все указанные места либо разрушены, либо непонятны. В одном случае pds говорит: «Как ужасно! Что мне делать?!» (Adm., 2, 9). В другом как будто речь идет о том, что pds пробуждается вместе с рассветом, ибо нет в нем более страха. Очевидно, это воин, который должен был бы бодрствовать ночью, охраняя мирных жителей, но дисциплины более нет, и он спит, сколько ему вздумается. Но все это, конечно, достаточно неопределенно.

Прочие случаи употребления слова pds. В неясном контексте pdsw упоминаются в надписи номарха hntw-htpw I (BH I, XLIV, 8=Urk. VII, 12, 16) и в одной из гробниц Сйовта (BFAO 3, 120). Они также наблюдаются в неизданной надписи CM J. 55607 (ср. WZKM 57, 72).

В граффито Hatn. 30 некто sbk-htpw говорит, что он был любим pdsw, а в новой, очевидно среднеегипетской, истории о привидении упоминается pds, которого одевают в «одежды

празд[ничные]» (P. Chassinat, II A, x+5=G. Posener, RdEg. 12, 75 и сл.).

Причина исчезновения слова *nḏs* после Сенвосре I. Слово *nḏs* было широко распространено в эпоху смут, разделивших периоды VI и XII династий, и его исчезновение нельзя не связать с закатом этой эпохи. Как только удалось ликвидировать внутренние войны, стычки, грабежи, голод, как только дала себя чувствовать устойчивая центральная власть в стране, необходимость в этом слове отпала. Жизнь не требовала больше от среднего египтянина ни героизма, ни воинской доблести, если только он не был воином. «Большие» и «маленькие», конечно, остались, но интерес к мнению окружающих, в связи с которым они часто упоминались, остыл. Теперь важно только мнение царя и начальства.

Страна вышла из бедственного положения, от которого особенно тяжело страдал простой народ. Если же новое положение в стране и было далеко от идеального, то это едва ли рекомендовалось подчеркивать. Так исчезала почва, на которой жила совокупность представлений о *nḏsw*.

При этом надо помнить, что царский дом XII династии пришел к власти под девизом возрождения счастливой, с точки зрения господствующего класса эпохи Старого царства, эпохи могучего централизованного государства, внутреннего порядка и связанного с ним высокого уровня общественного богатства, которое в годы смутного времени должно было казаться настоящим изобилием. Со всем этим *nḏsw* увязывались крайне плохо.

Конечно, слово *nḏsw* «воины», собственно «молодые люди в возрасте воина», могло бы употребляться и при XII династии, но оно стало к тому времени ощущаться каким-то пресным, а хотелось в соответствующий термин вложить понятия молодости, силы, энергичности. Таким образом, при Сенвосре I вводится слово «живой», т. е. «молодой», «резвый», «сильный» и т. п., которое так или иначе заменяет более древнее *nḏs*. Об этом слове см. RdEg. 23, 23—48.

У нас нет ни одного примера слова *nḏs*, который бы достоверно относился ко времени поздней XI династии, т. е. династии, объединившей Египет. Если это не случайность, такое явление можно было бы объяснить тем, что Ментхотпы I, II, III также пытались начать новую эру после времен чудовищных испытаний, постигших Египет, и слово *nḏs*, органически связанное с представлениями поры смут, внезапно вышло из употребления. В таком случае появление его в первые два царствования XII династии надо было бы рассматривать как своего рода воскрешение термина, может быть, стоящее в связи и с тем, что при

XII династии и период поздней XI династии причисляли к эпохе смут, и с тем, что в начале XII династии еще давали себя чувствовать последствия этой эпохи, которые удалось преодолеть лишь за долгое царствование Сенвосре I.

Как бы там ни было, возрождение термина в пору позднего Среднего царства опять-таки ставит слово *nḏs* в связь со смутами, неурядицами, вообще с бедственным положением в стране.

nḏsw и «царские *ḥmww*». Встает вопрос, могут ли «маленькие» в плане социальном так или иначе включать в себя «царских *ḥmww*»? Разумеется, «царские *ḥmww*» могут быть названы «маленькими», и в контексте «большие» и «маленькие», «великие» и «маленькие» они могут включаться в это название. Вместе с тем из числа «маленьких», терпящих нужду, лишения, притеснения от кого бы то ни было, очевидно, исключаются те «царские *ḥmww*», которые были в собственности частных лиц, так как их обеспечивали и защищали их хозяева.